

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2013

№ 2

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013

Журнал издается при поддержке гранта Правительства РФ № 14.В25.31.0009
«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации
в истории и современности»

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

С.Ф. Фоминых, д-р ист. наук, проф. (Томск, Россия) – председатель;
И.Н. Данилевский, д-р ист. наук, доцент (Москва, Россия); **В.И. Дятлов**, д-р ист. наук, проф. (Иркутск, Россия); **В.В. Керов**, д-р ист. наук, профессор (Москва, Россия); **Ю.Ф. Кирюшин**, д-р ист. наук, проф. (Барнаул, Россия); **З.П. Соколова**, д-р ист. наук, проф. (Москва, Россия); **Н.В. Ссорин-Чайков**, PhD in Anthropology (Кембридж, Великобритания); **О.А. Харусь**, д-р ист. наук, проф. (Томск, Россия); **А.А. Черкасов**, д-р ист. наук, доц. (Сочи, Россия); **М.В. Шиловский**, д-р ист. наук, проф. (Новосибирск, Россия); **А.В. Васильев**, канд. ист. наук (Томск, Россия) – ответственный секретарь

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Е.Е. Дутчак, д-р ист. наук, доц. (Томск, Россия) – главный редактор;
Л.В. Дериглазова, д-р ист. наук, доц. (Томск, Россия) – заместитель главного редактора; **А.Н. Сорокин**, канд. ист. наук (Томск, Россия) – ответственный секретарь; **Ю.М. Гончаров**, д-р ист. наук, проф. (Барнаул, Россия); **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф. (Томск, Россия); **Е.Н. Косых**, д-р ист. наук, проф. (Томск, Россия); **И.В. Нам**, д-р ист. наук, доц. (Томск, Россия); **Н.Н. Родигина**, д-р ист. наук, проф. (Новосибирск, Россия); **Д.А. Функ**, д-р ист. наук, проф. (Москва, Россия); **М.К. Чуркин**, д-р ист. наук, проф. (Омск, Россия)

EDITORIAL BOARD
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

S.F. Fominykh, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tomsk, Russia) – Chairman; **I.N. Danilevskiy**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia); **V.I. Dyatlov**, Doctor of Historical Sciences, Professor, (Irkutsk, Russia); **V.V. Kerov**, Doctor of Historical Sciences, Professor, (Moscow, Russia); **Yu.F. Kiryushin**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russia); **Z.P. Sokolova**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia); **N.V. Ssorin-Chaykov**, PhD in Anthropology (Cambridge, UK); **O.A. Kharus**, Doctor of Historical Sciences, Professor, (Tomsk, Russia); **A.A. Cherkasov**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, (Sochi, Russia); **M.V. Shilovskiy**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia); **A.V. Vasilyev**, Candidate of Historical Sciences (Tomsk, Russia) – Executive Secretary

EDITORIAL COLLEGIUM
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

E.E. Dutchak, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **L.V. Deriglazova**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief; **A.N. Sorokin**, Candidate of Historical Sciences (Tomsk, Russia) – Executive Secretary; **Yu.M. Goncharov**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russia); **V.P. Zinoviev**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tomsk, Russia); **E.N. Kosykh**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tomsk, Russia); **I.V. Nam**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Tomsk, Russia); **N.N. Rodigina**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia); **D.A. Funk**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia); **M.K. Churkin**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Omsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИИ

Менщиков В.В. К вопросу о дате основания слободы Царево Городище на реке Тобол	6
Жеравина А.Н. О целесообразности продолжения дискуссии по владельческой принадлежности Алтайских и Нерчинских заводов в составе кабинетского хозяйства (1747–1861 гг.).....	15

РАБОЧАЯ ИСТОРИЯ

Фаронов В.Н. Характер доходов рабочих Западной Сибири конца XIX – начала XX в.	25
Зиновьев В.П. Школы на приисках Сибири в конце XIX – начале XX в.	33

НАУКА И УЧЕНЫЕ

Красильников С.А. Организация Западно-Сибирского филиала АН СССР: от разработки решения к его реализации (март 1943 – январь 1944 гг.).....	42
А.И. Данилов в воспоминаниях и переписке учеников. Публикация С.В. Фоменко , комментарии С.Ф. Фоминых	55

НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ

Харусь О.А. Формирование либеральной идентичности в социокультурном и политическом пространстве Сибири начала XX в.: концептуальная модель исследования	65
--	----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	76
----------------------------------	----

CONTENTS

DISCUSSIONS

Menshchikov V.V. On the Date of Foundation of Tsarevo Gorodishche Settlement on the Tobol River.....	6
Zheravina A.N. The Ownership of Altai and Nerchinsk Plants within the Cabinet Household (1747–1861): Is the Discussion Worth Being Continued?.....	15

LABOUR HISTORY

Faronov V.N. Worker's Income in Western Siberia in the late XIX – early XX century	25
Zinovyev V.P. Schools at Siberian Goldmines in the Late XIX – Early XX Centuries	33

SCIENCE AND SCIENTISTS

Krasilnikov S.A. The organisation of the West Siberian Branch of USSR Academy of Sciences: From the Elaboration of the Concept to Its Implementation.....	42
(March 1943 – January 1944). The image of A.I. Danilov based on the correspondence and memories of his students.....	55

RESEARCH PROJECTS

Kharus O.A. The Formation of Liberal Identity in Socio-Cultural and Political Space of Siberia in the early XX Century: a Conceptual Model of Research.....	65
--	----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	76
--	----

ДИСКУССИИ

УДК94(571)

В.В. Меншиков

К ВОПРОСУ О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ СЛОБОДЫ ЦАРЕВО ГОРОДИЩЕ НА РЕКЕ ТОБОЛ

В статье рассматривается проблема основания слободы Царево Городище в историко-географическом и источниковедческом контекстах. Слобода являлась важнейшим населенным пунктом одного из историко-географических районов Западной Сибири – Зауралья. Существовавшие в XIX в. версии основания слободы не были основаны на критическом анализе источников и носили произвольный характер. Предложенная советскими историками А.А. Кондрашенковым и Н.А. Лапиным (1662 г.) дата была результатом неправомерного отождествления с одноименной слободой на р. Исети, в дальнейшем исчезнувшей. Более строгий источниковый анализ документов XVII в. (воеводская переписка, переписи слободского населения) позволил предложить в качестве достаточно достоверной даты основания слободы Царево Городище на р. Тобол 1679 г.

Ключевые слова: Зауралье, Западная Сибирь, поселение, перепись.

Постановка проблемы. Заселение и освоение русскими Сибири, начавшееся в конце XVI в., стало эпохальным процессом для российского общества. Чуть более полувека потребовалось первопроходцам, чтобы пройти от Урала до Тихого океана. Преобладающее восточное (или широтное) направление этого движения вполне очевидно. Еще в начале 1950-х гг. В.В. Пошкишевский писал, что первоначально «русское движение как бы скользило по касательной «вдоль» лесостепи и степи, и незначительное проникновение на юг являлось пока лишь слабым, вторичным отражением движения на восток» [1. С. 48–49]. Однако при мезо- и микрорегиональном подходе картина заселения может оказаться совсем другой, более мозаичной, причиной чего являлись природно-географические факторы (например, конкретная пространственная конфигурация речных систем) и военно-политическая ситуация (вооруженное сопротивление аборигенов). Слишком масштабным с территориальной точки зрения и многообразным с позиций конкретных условий (этнокультурных, политических, природных) был этот процесс, чтобы дать ему однозначную характеристику. Поэтому для формирования аутентичного образа заселения и освоения Сибири русскими необходим детальный порайонный анализ, обязательным условием которого является установление времени основания населенных пунктов (слобод и острогов) или, что более важно, относительной последовательности их возникновения. Порой, именно дата основания того или иного поселения становится принципиально важной в понимании закономерностей заселения какой-либо локальной территории. Однако применительно к XVII в. ее определение не всегда оказывается возможным, что довольно часто порождает историографические мифы из-за источниковедческой небрежности и поспешности в умозаключениях. Подобное

с полным основанием можно отнести к истории изучения одной из важнейших зауральских слобод – Цареву Городищу (будущий город Курган).

Поясним, что в нашем понимании означает Зауралье. Как ни странно, сделать это довольно сложно, что связано с изначальной семантической неопределенностью ойконима. В буквальном смысле слова это все, что находится за Уралом. Кстати, отметим в этом примере словообразования элемент русского исторического самосознания, а именно представление об основной пространственной направленности роста территории Российского государства с запада на восток. Однако в научном дискурсе конвенционально сложилось понимание Зауралья как территории, непосредственно прилегающей с востока к Уральским горам. Если западная граница этой территории и в меньшей степени южная достаточно легко локализируются, то северная и восточная остаются неопределенными. Преодолеть эту неопределенность позволяет конкретно-исторический анализ формирования региона. На наш взгляд, Зауралье – это исторически сложившийся первым земледельческий район Сибири, названный В.И. Шунковым Верхотурско-Тобольским. Однако, как нам представляется, историк неоправданно расширил его границы, включив в его состав комплексы поселений в низовьях Тавды, Вагая и Иртыша, пространственно отделенных от основной массы компактного размещения земледельческих слобод, расположенных в среднем и нижнем течении левых притоков реки Тобол – Исети, Пышмы, Ницы и Туры. Именно эти слободы играли важную роль в хлебном и другом ресурсном обеспечении территорий Урало-Сибирского региона в течение XVII–XVIII вв. Таким образом, под Зауральем мы понимаем территорию, ограниченную с севера рекой Турой, с юга – рекой Уй, с востока – Средним Притобольем, с запада – средним течением рек Пышма, Ница, Нейва, Исеть. Очевидно, что среднее Притоболье внутри Зауралья обладало относительной пространственной обособленностью, а слобода Царево Городище занимала здесь центральное положение. Однако «наказная память» (грамота), дающая право на ее основание, до сих пор не обнаружена, а скорее всего, навсегда утеряна, что породило многочисленные гипотезы о дате ее возникновения, рассмотрению которых и посвящена настоящая статья.

Изученность темы. За почти 200-летний период разные исследователи касались проблемы основания слободы, но преимущественно лишь обозначая конкретную дату, не указывая источников и не приводя каких-либо аргументов. Только в середине XX в. впервые был поставлен вопрос о необходимости точного определения основания слободы Царево Городище.

Исторически первым изданием, где присутствовала конкретная дата возникновения слободы, было «Статистическое обозрение Сибири», изданное в 1810 г. и составленное чиновником Министерства внутренних дел статским советником М.Н. Баккаревичем: «Застроена в 1596 г. небольшим деревянным укреплением, которое названо было Кургано-царевым городищем» [2. С. 263]. В 1854 г. в «Вестнике Императорского русского географического общества» историк-краевед и этнограф Н.А. Абрамов, родившийся в Кургане, в статье «Слобода Царево Городище до переименования ее городом Курганом» указал другую дату – 1653 г. [3. Т. 11. С. 99]. В «Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 г.» утверждалось, что Курган основан в 1633 г.

[4. С. 74]. Более раннюю дату основания – 1616 г. – называет известное энциклопедическое издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» [5. С. 430]. Особое место в этом ряду занимает мнение автора статьи в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона об основании Царева Городища в 1553 г., что абсолютно невероятно, так как самые восточные рубежи российского влияния в это время проходили где-то в Предуралье, а Притоболье находилось под контролем Сибирского ханства. Что это – опечатка или досадная ошибка, пока выяснить не удалось.

В середине XX в. исследователи, касавшиеся рассматриваемой проблемы, опираясь на весь методологический арсенал современной им науки, перестали произвольно указывать даты основания слободы, а пытались их обосновать или, по крайней мере, ссылаясь на источники заимствования. Р.М. Кабо писал, что «данные о времени появления слобод крайне противоречивы» [6. С. 103], и в качестве примера приводил именно слободу Царево Городище, называя пять возможных дат со ссылкой на различные издания XIX в. Но в книге Л.Е. Иофа «Города Урала», изданной через два года после исследования Р.М. Кабо, дата основания (1616 г.) вновь приводилась без достаточной аргументации. Однако эта дата была как нельзя кстати для обоснования особой пространственной конфигурации русской колонизации Урала: «В первой четверти XVII в. Урал оказался зажатым между двумя сходящимися к северу колонизационными линиями, как бы, грубо упрощая, сторонами треугольника, вершиной которого, скажем, служила Чердынь, основаниями – на западе Мензелинск и на востоке Царево Городище (Курган), которые лежат почти на одной широте» [7. С. 74].

Первыми исследователями, решившими разобраться в этом вопросе, были курганские историки А.А. Кондрашенков и Н.А. Лапин. В начале 1960-х гг. они попытались выбрать наиболее аргументированную дату основания слободы. По их мнению, это мог быть только 1662 г.: «Первое упоминание о Царевом Городище находится в архивных документах, возникших в связи с перепиской по поводу русских поселений, основанных в 1662 г. Отписка верхотурского воеводы Камынина тобольскому воеводе Хилкову, написанная весной 1662 года, в числе других слобод прямо называет Царево Городище «новой слободой». Осенью 1662 года Хилков направил в Верхотурье грамоту, которая предписывала в слободах Царево Городище, Мехонской и Барневской «с громленных крестьян оброчного хлеба не брать... а пожженные дворы велеть застроить» [8. С. 8; 9]. Эта грамота еще раз убеждала исследователей в том, что слобода Царево Городище существовала в 1662 г., но основана была недавно и население еще пользовалось льготами.

В 1995 г. в первом томе «Истории Курганской области» автор настоящей статьи выразил сомнение в правильности выводов А.А. Кондрашенкова и Н.А. Лапина [10. Т. 1. С. 117–120]. На основании более детального источниковедческого анализа нами было высказано предположение, что слобода была основана не ранее 1673 г. и не позднее 1680 г. Благодаря генеалогическим изысканиям екатеринбургских исследователей С.В. Трофимова и Ю.В. Коновалова [11. С. 38–39] наша гипотеза получила дополнительное подтверждение. Это дало в дальнейшем возможность утверждать, что слобода Царево

Городище была основана в 1679 г. В частности, это было отражено в соответствующей статье в «Большой российской энциклопедии» [12.Т. 16. С. 386].

Источники и методы. Решение обозначенной проблемы возможно при привлечении достаточного количества аутентичных источников. Как правило, для выполнения подобной работы необходимо использование документов, впервые вводимых в научный оборот, но такое бывает далеко не всегда. В данном случае оказалось необходимым обратиться к уже известным материалам. Это традиционные для исследования сибирской истории документы XVII в. – «наказные памяти» (грамоты) на право основания слобод, воеводская и приказная переписка, описания и переписи населенных пунктов, приложения к «чертежным книгам». Частично эти материалы были опубликованы в изданиях XIX в. («Дополнения к актам историческим», различные редакции сибирских летописей и «чертежей» Сибири и т.п.). Другая часть хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде Сибирского приказа.

Специфической особенностью нашего исследования явилось то, что нам пришлось преимущественно анализировать тот источниковый материал, который уже был использован предшественниками. Этот анализ показал поверхностное (даже небрежное) отношение некоторых исследователей к изучению документов, стремление в угоду своей концепции выборочно подходить к фактическому материалу источников, что приводило к формированию историографических мифов и искажению картины исторической действительности, а это совершенно недопустимо.

В связи с тем, что важнейший документ – «наказная» грамота на основание слободы – отсутствует, нам было необходимо найти первое реальное упоминание о слободе, а также с помощью комплекса косвенной информации создать внутренне непротиворечивую и согласованную картину появления слободы Царево Городище.

Результаты исследования. Итак, более детальный источниковедческий анализ приводимых Н.А. Лапиным и А.А. Кондрашенковым документов показал ошибочность выводов этих исследователей. В отписке верхотурского воеводы Камынина тобольскому воеводе князю Хилкову действительно говорится о новой слободе Царево Городище в 1662 г., однако здесь речь идет совсем о другом населенном пункте, не на Тоболе, а на Исети! Приведем более полный отрывок из цитируемого Н.А. Лапиным и А.А. Кондрашенковым документа: «...чтоб ис Катайского острогу и из иных верхотурских слобод приказчики впредь на Исеть реку на Мехонину курью и на Царево Городище и на Барнево в уезд для пошлинного збору никою не посылали... А Илья Бакшеев ис Катайского острогу ко мне и к подъячему к Ивану Артемьеву писал: посылал де он Илья ис Катайского острога вниз по Исети реке, где промышляют Верхотурского уезду из слобод крестьяне рыбу, Катайского острогу таможенного зборщика беломестного казака Ефсейка Ерафеева да беломестного казака Федьку на великих государей пошлины собирать по-прежнему; и на Царево Городище Верхотурского уезду слободских крестьян у Меркуша Заикова с товарищами десятые пошлины взял 3 рубли; и слободчик – де Юшко Соловей тех Ефсефейка да Федьку посадил в студеную баню и держал

3 дни и послал на Мехонину курью по прикащика по Давыда Андреева...» [13. Л. 307–308].

Как видно, в тексте вполне определенно говорится о приисетских слободах. Села Мехонское и Барневское до сих пор существующие на Исети поселения. Здесь же упоминается хорошо известный исследователям Юшка Соловей, он же Юрий Малечкин, основатель Шадринской слободы, который именно в Царевом Городище арестовал злополучных сборщиков пошлыны. С исетским Царевым Городищем мы вновь встречаемся в материалах 1668 г. по делу того же Юрия Малечкина: «...в прошлом во 170-м году (1662 г. от Рождества Христова. – В.М.) по указу великих государей по тобольской памяти велено Юшку Соловью в Тобольском уезде по Исете реке на Царево Городище слободу строить и крестьян призывать и вольных гулящих людей...» [14. Л. 999–999 об]. Вот оно – прямое указание источника 1660-х гг. о слободе Царево Городище, но не на реке Тобол, а на реке Исеть, которое не имеет никакого отношения к будущему городу Кургану.

В еще одном документе, цитируемом Н.А. Лапиным и А.А. Кондрашенковым, говорится о разорениях в слободах Царево Городище, Мехонской и Барневской в 1662 г. Здесь, по всей видимости, речь идет о последствиях крупного башкирского восстания 1662–1664 гг., которое затронуло в Зауралье лишь Приисетье, не достигнув Притоболья [15. С. 55, 61].

Таким образом, Н.А. Лапин и А.А. Кондрашенков были не правы, когда отождествляли упомянутое в документах 1660-х гг. Царево Городище со среднепритобольной слободой. Но почему столь квалифицированные историки не заметили очевидных противоречий в их системе аргументации? Ответ на этот вопрос может содержаться в анализе тех обстоятельств, при которых появилась на страницах научных изданий их точка зрения. Впервые обоснование новой даты основания слободы появилось в № 10 «Вопросов истории» за 1962 г. и «Ученых записках Курганского государственного педагогического института» за этот же год, на который в данном случае приходилось 300-летие со дня основания второго по значению города Курганской области – Шадринска. Видимо, в этих условиях с политико-идеологической точки зрения необходимо было окончательно разобраться с датой основания областного центра. Поэтому как нельзя кстати оказались сообщения источников, связывающие основание Царева Городища с 1662 г.

Можно предположить также, что эти историки посчитали данное название уникальным, однако и это не так. Еще И. Завалишин в середине XIX в. писал: «Остатки вала и рва, следы татарского владычества, еще до сих пор приметны в той части нынешней Тюмени, которую называют «Царевым Городищем» [16. Т. 1. С. 211]. Подобное название вполне могло быть достаточно распространенным в Зауралье, которое изобиловало курганами, удобными для расположения на них укреплений. Вероятно, именно о таком месте на реке Исеть писал П. Словцов: «Равномерно в 6 верстах от Шадринска подле протоки найдено городище с земляным валом и рвом» [17. Т. 1. С. 187]. Возможно, что на этом месте в начале 1660-х гг. возникла исетская слобода Царево Городище, вскоре исчезнувшая. Может быть, причиной этому послужили разорения в ходе башкирского восстания 1662 г., после которого эта слобода так и не была восстановлена.

Первое же реальное упоминание слободы Царево Городище на реке Тобол в документах XVII в. содержится в «наказной» грамоте на основание Иковской слободы в 1680 г.: «...строить вверху Тоболу реке на порозжей земле, промеж слободы Белозерские слободчика Степки Нестерова да промеж слободы Царева городища слободчика Тимошки Невежина...» [18. Т. 7. С. 360–361]. Здесь говорится об основателе слободы Тимофее Невежине, и он назван именно слободчиком, а не приказчиком, которые сменили через некоторое время первых. Вряд ли он смог бы быть слободчиком в течение двадцати лет, когда большинство основателей сибирских слобод руководило этими населенными пунктами в среднем не более 5–6 лет.

Анализ косвенных данных более раннего времени не дает удовлетворительного ответа на вопрос о существовании слободы Царево Городище на Тоболе до 1680 г. В 1667 г. по приказу нового тобольского воеводы П.И. Годунова было проведено описание подведомственных ему земель, на основании которого начиналось строительство Исетской сторожевой линии. Она шла от Тарханского острога к Исетскому, а затем вверх по реке Исеть [10. С. 119]. В этом документе ничего не говорится о каких-либо русских поселениях выше по реке Тобол от устья реки Исеть: нет ни Белозерской слободы, ни Царева Городища. Безусловно, данное географическое описание не может претендовать на абсолютную полноту, так как в нем не упоминаются уже точно существовавшие к этому времени населенные пункты на Исети, например Рафайлов монастырь и Кодская заимка. Но вряд ли пограничная линия прошла бы почти на 100 км севернее, если бы южнее, в Среднем Притоболье, существовали уже более или менее крупные русские поселения, которые обладали важным стратегическим положением ввиду значительной продвинутости в лесостепные районы.

В Тобольской редакции 1673 г. так называемой «Книги Большому Чертежу» также нет упоминаний о слободе Царево Городище, а граница русских поселений в Южном Зауралье также проходила по реке Исеть и не захватывала Среднее Притоболье [19. С. 187].

Все вышеприведенные данные носят все-таки косвенный характер. Относительно недавно екатеринбургские исследователи Ю.В. Коновалов и С.В. Трофимов обратили внимание на достаточно хорошо известный документ, который подтвердил наши предположения о том, что Царево Городище было основано не ранее 1673 г. и не позднее 1680 г. В переписи Тобольского уезда 1681–1683 гг., проведенной Л.М. Поскочиным, говорится: «Слобода Царево Городище... построена во 187-м году» [21. Л. 1594], и далее: «Слоботчик Тимошка Онисимов сказал: родился он Верхотурского уезду в Невьянской слободе и жил в Долматове монастыре за вклад. И во 187-м году велено ему на Цареве Городище строить слободу» [20. Л. 1594]. Получается, что основана слобода была, по этим данным, в 1679 г. от Рождества Христова, что соответствует 7187 г. от Сотворения мира, как сообщается в данном документе. Как отмечают С.В. Трофимов и Ю.В. Коновалов, «уточняются и сведения об основателе слободы. Звали его действительно Тимофей. Не противоречат друг другу и его именованья в источниках Анисимовым и Невежиным; он вполне мог быть «Анисимовым сыном Невежиным». А вот уроженцем он оказывается не Тюменского, а Верхотурского уезда» [11. С. 38], одна-

ко в дальнейшем он мог быть приписан к Тюмени и оттуда прибыть в Среднее Притоболье.

Таким образом, проведенные нами изыскания дают возможность определить 1679 г. как наиболее вероятную дату основания слободы Царево Городище. В конце XVII в. слобода становится важнейшим форпостом русских поселений в регионе, особенно в условиях усилившегося натиска с юга с 1690-х гг. киргизкайсаков (казахов). В 1680 г. рядом возникают Иковская и Утятская слободы. Тем самым в среднем течении Тобола формируется целая слободская агломерация, центром которой становится именно Царево Городище, впоследствии ставшее городом и уездным центром Тобольской губернии.

Литература

1. *Покишиевский В.В.* Заселение Сибири: (историко-географические очерки). – Иркутск: Обл. гос. изд-во, 1951. – 207 с.
2. *Статистическое обозрение Сибири.* – СПб., 1810. – 361 с.
3. *Абрамов Н.А.* Слобода Царево Городище до переименования ее городом Курганом // Вестн. Имп. Рус. геогр. о-ва. – Т. 11, вып. 1. – СПб., 1854. – С. 99–104.
4. *Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г.* – Тобольск, 1884. – 537 с.
5. *Россия:* Полное географическое описание нашего отечества. – Т. 16. – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1907. – 591 с.
6. *Кабо Р.М.* Города Западной Сибири. – М.: Географгиз, 1949. – 217 с.
7. *Иофа Л.Е.* Города Урала. – М.: Географгиз, 1951. – 423 с.
8. *Латин Н.А.* Слобода Царево Городище в XVII в. // Учен. зап. Кург. пед. ин-та. – 1962. – Вып. 4. – С. 3–22.
9. *Кондращенко А.А., Латин Н.А.* Об основании города Кургана // Вопр. истории. – 1962. – № 10. – С. 209–211.
10. *История Курганской области (с древнейших времен до 1861 г.).* – Т. 1. – Курган: Кург. гос. пед. ин-т, 1995. – 370 с.
11. *Трофимов С.В., Коновалов Ю.В.* К вопросу о дате основания города Кургана и его основателе // 50-летие историко-правоведческого факультета Курганского государственного университета: материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Курган, 2002. – С. 38–39.
12. *Менщиков В.В.* Курган (история) // Большая российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С.Л. Кравец. – Т. 16: Крещение Господне – Ласточкивые. – М., 2010. – С. 386–388.
13. *Архив Академии наук в г. Санкт-Петербурге.* – Ф. 21. – Оп. 4. – Д. 2.
14. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА).* – Ф. 214. – Д. 535.
15. *Акманов И.Г.* Восстание 1662–1664 гг. – первое массовое движение в Башкирии // Крестьянство и крестьянские движения в Башкирии в XVII–XX вв. – Уфа, 1981. – С. 55–61.
16. *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. – Т. 1. – М., 1862. – 510 с.
17. *Словцов П.* Историческое обозрение Сибири. – Т. 1. – СПб., 1838. – 326 с.
18. *Дополнения к актам историческим.* – Т. 7. – СПб., 1859. – 400 с.
19. *Книга Большому Чертежу.* – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 229 с.
20. *РГАДА* – Ф. 214. – Оп. 5. – Д. 261.

Статья поступила 13 ноября 2013 г.

Menshchikov Vladimir V., Kurgan state university (Kurgan, Russia)

ON THE DATE OF FOUNDATION OF TSAREVO GORODISHCHE SETTLEMENT ON THE TOBOL RIVER

Key words: Trans-Ural, West Siberia, settlement, census.

The formation of an authentic image of the process of settlement and development of Siberia by Russians requires a detailed area-based analysis. A clear indication of this process is the time of foundation of settlements or the relative subsequence of their occurrence. It is the date of foundation of a settlement that is crucially important for the understanding of the specificities of settling a certain territory. Regarding the XVII century, to determine the exact date of foundation of a settlement is not always possible. This is the case for one of the major trans-Ural settlements – Tsarevo Gorodishche sloboda (later the city of Kurgan). For nearly a two hundred-year period, various researchers have been referring to the issue of the settlement's foundation, though mostly by indicating a specific date without specifying any sources and giving any evidence. In the middle of the twentieth century researchers dealing with the problem in question, stopped arbitrarily indicating the date of foundation of the settlement and tried to somehow justify or at least indicate the sources for reference.

First researchers who decided to finally solve this problem were Kurgan historians A.A. Kondrashenkov and N.A. Lapin. At the beginning of the 1960s they tried to justify the most appropriate date of foundation. According to them, it was the year of 1662. In 1995, in the volume 1 of the "History of the Kurgan Region," V.V. Menshchikov expressed doubts about the rightness of the conclusions drawn by A.A. Kondrashenkov and N.A. Lapin. Based on a more detailed source-related analysis, the author suggested that the settlement was founded not earlier than 1673 and by no later than 1680.

Due to the fact that the most important document the "nakaznaya" charter for the foundation of the settlement is missing, we had to find the first real reference to the settlement, as well as through indirect information to create an internally consistent and coherent picture of the origin of the settlement Tsarevo Gorodishche.

The proposed by the Soviet historians A.A. Kondrashenkov and N.A. Lapin date (1662) was the result of unjustified identification of the settlement with the other same-name one on Iset River which later disappeared. The analysis of indirect evidence dated from the earlier time does not give a satisfactory answer to the existence of the settlement Tsarevo Gorodishche on Tobol River before 1680. Our research allows us consider the most probable year of foundation of the settlement Tsarevo Gorodishche to be 1679. At the end of the XVII century, the sloboda became an important outpost for Russian settlements in the region, especially in the circumstances of the ever increasing pressure on the part of Kirghiz-Kaysaks (Kazakhs) in the south since the 1690s. In 1680 Ikovskaya and Utyatskaya settlements emerged nearby. Thus, a whole agglomeration of sloboda was formed in the middle course of the Tobol river, and it was Tsarevo Gorodishche that later became the centre of the agglomeration and subsequently the town and district center of the Tobolsk province.

References

1. *Pokshishevskiy V.V.* Zaselenie Sibiri: (istoriko-geograficheskie ocherki). – Irkutsk: Obl. gos. izd-vo, 1951. – 207 s.
2. *Statisticheskoe obozrenie Sibiri.* – SPb., 1810. – 361 s.
3. *Abramov N.A.* Sloboda Zarevo Gorodische do pereimenovaniya ee gorodom Kurganom // Vestn. Imp. Rus. geogr. o-va. – T. 11, vyp. 1. – SPb., 1854. – S. 99–104.
4. *Pamyatnaya knizhka Tobol'skoy gubernii na 1884 g.* – Tobol'sk, 1884. – 537 s.
5. *Rossiya: Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva.* – T. 16. – SPb.: Izd. A.F. Devriena, 1907. – 591 s.
6. *Kabo R.M.* Goroda Zapadnoy Sibiri. – M.: Geografiz, 1949. – 217 s.
7. *Iofa L.E.* Goroda Urala. – M.: Geografiz, 1951. – 423 s.
8. *Lapin N.A.* Sloboda Zarevo Gorodische v XVII v. // Uchen. zap. Kurg. ped. in-ta. – 1962. – Vyp. 4. – S. 3–22.
9. *Kondrashenkov A.A., Lapin N.A.* Ob osnovanii goroda Kurgana // Vopr. istorii. – 1962. – № 10. – S. 209–211.
10. *Istoriya Kurganskoy oblasti (s drevneyshich vremen do 1861 g.).* – T. 1. – Kurgan: Kurg. gos. ped. in-t, 1995. – 370 s.
11. *Trofimov S.V., Konovalov Yu.V.* K voprosu o date osnovaniya goroda Kurgana i ego osnovatele // 50-letie istoriko-pravovedcheskogo fakul'teta Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta: materialy mezhhregion. nauch.-prakt. konf. – Kurgan, 2002. – S. 38–39.
12. *Menshchikov V.V.* Kurgan (istoriya) // Bol'shaya rossiyskaya ensiklopediya: v 30 t. / otv. red. S.L. Kravetz. – T. 16: Kreschenie Gospodne – Lastochkovye. – M., 2010. – S. 386–388.
13. *Archiv Akademii nauk v g. Sankt-Peterburge.* – F. 21. – Op. 4. – D. 2.

14. *Rossiyskiy gosudarstvennyy archiv drevnich aktov (RGADA)*. – F. 214. – D. 535.
15. *Akmanov I.G. Vosstanie 1662–1664 gg. – pervoe massovoe dvizhenie v Bashkirii // Krest'yanstvo i krest'yanskie dvizheniya v Bashkirii v XVII–XX vv.* – Ufa, 1981. – S. 55–61.
16. *Zavalishin I. Opisanie Zapadnoy Sibiri.* – T. 1. – M., 1862. – 510 s.
17. *Slovzov P. Istoricheskoe obozrenie Sibiri.* – T. 1. – SPb., 1838. – 326 s.
18. *Dopolneniya k aktam istoricheskim.* – T. 7. – SPb., 1859. – 400 s.
19. *Kniga Bol'shomu Chertezhu.* – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – 229 s.
20. *RGADA – F. 214. – Op. 5. – D. 261.*

УДК 94(470)''17/19''

А.Н. Жеравина

**О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ДИСКУССИИ
ПО ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ АЛТАЙСКИХ
И НЕРЧИНСКИХ ЗАВОДОВ В СОСТАВЕ КАБИНЕТСКОГО
ХОЗЯЙСТВА (1747–1861 гг.)**

В статье рассматривается вопрос о репрезентативности доказательств, лежащих в основе различных концепций природы кабинетского хозяйства, и доказывается, что без обращения к указам 1747 г., которыми определялись условия изъятия заводов и их собственник, поиски новых вариантов решения данной проблемы бесперспективны.
Ключевые слова: Кабинет, заводы Сибири под его управлением, власть, собственность, подушная подать.

Постановка проблемы. В середине XVIII в. в России произошло событие, приведшее к возникновению уникального явления в ее истории. В 1747 г. изъятием заводов А. Демидова на Алтае началось создание хозяйства, переданного под управление Кабинета и получившего в науке название «кабинетского хозяйства» в Сибири. Ни в одном другом регионе Российской империи оно не могло возникнуть: только на Алтае богатые залежи руды позволили организовать производство золотистого серебра, гигантские лесные массивы – обеспечивать заводы топливом, а плодородные земли, еще не освоенные под сельскохозяйственное производство, – стимулировать крестьянскую колонизацию. Наличие серебра, топлива и рабочих рук создавало все условия для возникновения и существования на Алтае крупного хозяйственного комплекса, составной частью которого с 1787 г. стали бывшие казенные Нерчинские сереброплавильные заводы в Восточном Забайкалье.

В ходе развития кабинетского хозяйства в Сибири расширялись его территориальные рамки. Во второй половине XVIII в. продолжалось освоение месторождений руд к востоку и югу от первоначально вошедшего в это хозяйство района Западной Сибири. Уже после включения в его состав Нерчинских заводов была создана рудная база сереброплавильного производства в правобережье верхнего течения Иртыша, разработано богатое Салаирское месторождение полиметаллических руд и других полезных ископаемых. Сложившееся в Сибири хозяйство Кабинета включало в себя современную территорию Алтайского края, Новосибирской, Кемеровской, части Томской, Павлодарской, Семипалатинской, Восточно-Казахстанской областей в Западной Сибири и большую часть Читинской области в Восточном Забайкалье. Оно стало главным центром добычи серебра в России.

Изучение истории кабинетского хозяйства сопровождалось накоплением большого числа дискуссионных проблем. Они возникли в результате попыток ученых определить собственника кабинетского хозяйства, раскрыть сущность приписного крестьянства, в обязанность которого входило не только выполнение заводских работ, но и поставка провианта на заводы и рудники для мастеровых и

служащих. Расхождения между позициями исследователей обнаруживали себя и при решении вопросов, за счет каких средств содержались заводы, куда поступала прибыль и как она расходовалась. В частности, на рубеже XX–XXI вв. особое внимание в историографии стало обращаться на использование доходов от кабинетского хозяйства для пополнения государственной казны и решения внешнеполитических задач в 60–90-е гг. XVIII в.

С конца XX в. большое значение приобрело обращение к новым методам исторического исследования при поиске ответа на самый сложный и важный вопрос истории кабинетского хозяйства в Сибири – вопрос о его владельческой принадлежности. От правильного ответа на него зависит решение остальных дискуссионных проблем, в том числе об отношении Кабинета к переселениям крестьян внутри кабинетского хозяйства, степени их зависимости, формах и методах принуждения.

Изученность темы. Специальное научное исследование проблемы собственника кабинетского хозяйства началось в конце 1950-х гг. в процессе масштабной работы по созданию первой многотомной истории Сибири. В это время оказались очевидными недостаточная разработанность «ряда общих методологически важных проблем» и «зияющие провалы в источниковедческой базе» [1. С. 9].

Выявленные в течение сравнительно короткого времени документальные материалы и заложили основу для изучения истории кабинетского хозяйства в Сибири. В середине 60-х гг. Г.П. Жидков выдвинул положение о неправомерности подхода к заводам как к «частной вотчине царя или казенной мануфактуре» и предложил рассматривать горный округ как территорию со смешанным, сложным юридическим статусом, занимавшим промежуточное положение между императорским доменом и государственным хозяйством. Кабинетское хозяйство в Западной Сибири Г.П. Жидков определил как воплощавшее в себе «основные черты государственного феодализма» [2]. Приняв выдвинутые Г.П. Жидковым положения, М.Е. Сорокин охарактеризовал кабинетское хозяйство в Сибири как особый тип феодальной собственности, в котором причудливо переплелись государственные и частновладельческие начала [3. С. 126–127].

В противовес этой точке зрения в те же 1960-е гг. Т.И. Агапова, опираясь на законодательство 40-х гг. XVIII – первых десятилетий XIX в., сделала заключение о принадлежности с 1747 г. Колывано-Воскресенских заводов русским императорам на правах частной собственности. «На это обстоятельство, – подчеркивала она, – надо обратить особое внимание, ибо целый ряд важнейших явлений, связанных с историей сибирской горной промышленности, можно объяснить только наличием этой формы монополии... Алтайский горный округ по существу был превращен в «цареву» вотчину, верховным собственником сибирской вотчины, управляемой Кабинетом, был царь». Включение Нерчинских заводов в кабинетское хозяйство Т.И. Агапова квалифицировала как захват Екатериной II казенных заводов [4]. Хронологически расширив привлекаемую законодательную базу до середины XIX в., А.П. Бородавкин также пришел к выводу о том, что после передачи в ведение Кабинета Колывано-Воскресенские заводы стали царской собственностью [5. С. 1–7].

С течением времени в дискуссию о природе кабинетского хозяйства в Сибири включались новые авторы с обоснованием своего понимания ее или заявлением о поддержке одной из существовавших концепций (Т.Н. Соболева, Ю.С. Булыгин, С.С. Лукичев, А.Н. Жеравина, М.В. Кричевцев, В.В. Ведерников, А.А. Пережогин). К 70-м гг. XX в. определение собственника кабинетских предприятий стало одной из основных дискуссионных проблем сибиреведения; тогда же было осознано, что при сохранении разногласий в определении природы кабинетского хозяйства невозможна реконструкция его исторического прошлого [6. С. 6]. Поэтому вполне оправданным является возвращение к данной проблеме. Причем оно теперь требует нового подхода – прежде всего определения и анализа круга источников, которые привлекали участники дискуссии.

Источники и методы. В исторической науке оценить правомерность гипотез и результатов научных исследований можно лишь с учетом репрезентативности источниковой базы. Это означает, что при анализе работ историков, решавших и решающих проблему владельческой принадлежности кабинетского хозяйства, следует принимать во внимание не только уровень развития науки в тот или иной момент, но и методы работы исследователей с историческими источниками.

Обращая особое внимание на сложность определения характера собственности, М.А. Барг отмечал: «Самое сложное в ремесле историка заключается именно в необходимости каждый раз определять, в какой форме общесоциологическая категория проявляется (материализуется) в данную эпоху и более того – в данной стране» [7. С. 85, 87]. Правомерным при этом представляется добавление «в данном регионе», ибо могут различаться временные и пространственные рамки категории «феодалная собственность», но подход к историческому исследованию в любом случае останется одним и тем же. Он предполагает в качестве исходного изучение конкретно-исторического материала, которое должно предшествовать теоретическим выводам.

Важнейшее значение для определения владельческой принадлежности Кольвано-Воскресенских заводов под управлением Кабинета имеет выявление круга данных, на которых базируются позиции исследователей. В статье, опубликованной в 1976 г., Г.П. Жидков подверг острой критике определение А.П. Бородавкиным принадлежности Кольвано-Воскресенских заводов под управлением Кабинета, которое «возвращает нас, как писал автор, к 40-м годам и даже чуть раньше». Он назвал его категоричным и не аргументированным. Последнее, естественно, предполагало убедительность и аргументированность позиции самого Г.П. Жидкова. Однако он в очередной раз в качестве главного аргумента привел предположения Н.М. Дружинина «об интенсивном социально-экономическом развитии сибирской деревни, менее скованной крепостническими традициями» [8. С. 6].

Особенность возникновения земельной собственности на Алтае, а затем в Восточном Забайкалье в пределах кабинетского хозяйства Г.П. Жидков свел к обособлению кабинетских земель к концу XVIII в. от государственных, из которых, как он писал, «выделились «государевы» не в смысле личной принадлежности монарху, а в том обычном для крепостной эпохи, которое придавалось имуществу правящего императора, еще шире двора, а точнее коро-

ны». «Коронную собственность» Г.П. Жидков рассматривал равнозначной понятию «кабинетская собственность», считая ее частью государственной собственности [9. С. 64; 10. С. 92].

Еще один исходный момент концепции Г.П. Жидкова строился на положении об отсутствии юридического статуса кабинетского хозяйства, четкого определения его принадлежности с самого начала возникновения. Не имея возможности подтвердить источниками свой взгляд на природу кабинетского хозяйства, как и Г.П. Жидков, М.Е. Сорокин ограничился заявлением о том, что ни в одном документе, относящемся к 1747–1779 гг., нет указания на то, что Колывано-Воскресенские заводы являются личной собственностью императора и что впервые в источниках о Колывано-Воскресенских заводах как о личной собственности императоров говорится только с конца XVIII в. [11].

Всем, кто занимается изучением истории Алтая второй половины XVIII – первой половины XIX в., известно, что заводы А. Демидова были изъяты у его наследников на основании указов 1 и 12 мая 1747 г.: первый был адресован бригадиру А. Беэру, возглавлявшему специальную комиссию, которой поручалось обеспечить их передачу под управление Кабинета [12]; второй – Сенату [13]. Содержащимися в них понятиями «о взятии в казну», «на Нас» оперируют все историки. Но никто при решении вопроса о владельце Колывано-Воскресенских заводов с 1747 г. не обращает внимания на ту часть в тексте указов, в которой уже содержится ответ на него, а именно: на положения о налогообложении приписанных к заводам крестьян.

Ко времени изъятия демидовских заводов – еще с 20-х гг. XVIII в. – в России действовали нормы податной реформы, проведенной Петром I. Они предполагали замену подворного обложения подушной податью, что на практике означало взимание с каждого государственного крестьянина мужского пола по 70 копеек в виде налога и по 40 копеек так называемых «податей помещиковых». Таким образом, общая сумма налогообложения, составлявшая 1 рубль 10 копеек, поступала в государственную казну. С частновладельческих крестьян взимались только «подати помещиковы», также в размере 40 копеек, шедшие государству. Приписные крестьяне кабинетского хозяйства 70 копеек налога должны были отработать на заводских работах. Эти деньги поступали не в государственную в казну, а, как специально подчеркивалось в указе 12 мая 1747 г., «в Нашу казну», иными словами, в личное распоряжение Елизаветы Петровны, владевшей бывшими демидовскими заводами на помещичьем праве. В государственную казну от них шел только сорокакопеечный сбор как с частновладельческих крестьян.

Не исключено, что убежденность исследователей в неразрешимости вопроса о владельце заводов с 1747 г. основывалась на том, что в указах речь шла не о приписных крестьянах, а о «пришлых в Сибирь людях», поселенных при Колывано-Воскресенских заводах. Однако необходимо учитывать, что с момента поселения на Алтае они обретали статус приписных крестьян, обязанных выполнять заводские работы в пользу нового собственника.

Сравнение этой части указа 12 мая с его названием дает основание считать, что изъятие заводов было реализовано Елизаветой Петровной как носительницей верховной власти, но владела она ими как помещица. В свое время пришедшие к такому же заключению о получении Елизаветой Петровной

заводов в частную собственность Т.И. Агапова и А.П. Бородавкин не раскрыли пути, которым они пришли к этому выводу. На наш взгляд, именно обращение внимания на механизм сбора подати и, прежде всего, на то, кому и в каком размере шло собранное, позволяет сегодня аргументировать их позицию и тем самым поставить точку в почти полувековой дискуссии.

Результаты исследования. Анализ текстов майских указов 1747 г. показывает, что с самого начала создания кабинетского хозяйства вопрос о его собственнике был решен на основе сложившейся еще в 1720-е гг. практики взимания подушной подати. С государственных крестьян подушная подать в полном объеме шла в государственную казну, а с помещичьих крестьян она поступала туда в размере 40 копеек. Крестьяне, жившие на землях кабинетского хозяйства и приписанные к заводам, становились помещичьими крестьянами собственника Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов.

Условия изъятия Колывано-Воскресенских заводов в 1747 г. оказались глубоко продуманными. Положение о взятии заводов «на Нас» и «в казну» появилось не случайно. Первое означало переход заводов в собственность императрицы на помещичьем праве. Второе понадобилось в связи со стремлением компенсировать их стоимость за счет государственной казны, если бы пришлось эту компенсацию производить.

Обратив внимание на сочетание в указе 1747 г. фраз «взять на Нас» и «о взятии в казну», Т.Н. Соболева также усмотрела в этом глубокий смысл. Он заключался, по мнению исследовательницы, в отсутствии границ между «государевым» и «государственным». Свою позицию в решении вопроса о владельческой принадлежности Колывано-Воскресенских заводов с 1747 г. она обосновывает вотчинной теорией российской государственности, которая в XVIII в. переживала стадию разложения. Т.Н. Соболева считает, что к концу XVIII в. в кабинетском хозяйстве Западной Сибири оформилась коронная собственность, в которой «переплетались государственные и частновладельческие черты. Государь воплощал в себе два начала, поэтому в характеристике его недвижимого имущества органично соседствовали оба свойства, среди которых приоритетную позицию в дальнейшем заняла вторая составляющая. Однако это не дает основания для однозначного толкования такого явления, как частная собственность монарха» [14. С. 280]. В.В. Ведерников, поддерживая позицию своего учителя, пишет: «Особого внимания заслуживает ремарка Т.Н. Соболевой о том, что слова указа Елизаветы Петровны 1747 г. «Оные заводы... взят на Нас» не воспринимались в ту эпоху в том смысле, каким их наделяют современные исследователи» [15. С. 7].

Очевидно, важнее иметь в виду то, что позиция Т.Н. Соболевой расходится с представлением по этому поводу Екатерины II. В сравнительно недавно опубликованных «Дополнениях к большому Наказу» императрицы несколько статей были посвящены «богатствам государевым» – «недвижимым» или «движимым». Оные, по определению Екатерины II, «могут принадлежать государю». «Богатства государевы суть или просто владельческие, поелику некоторые известные земли или вещи ему как частному некоему помещику или господину принадлежат (курсив мой. – А.Ж.) или как богатства самодержца, владычествующего по сему Богом данному над всем тем, что общенародную казну составляет». Самое существенное состояло в понимании им-

ператрицей права пользования доходами, принадлежащими государю на праве частной собственности: «Доходы, принадлежащие государю, суть... двоякого рода: или как частного некоего владельца, или как державы правителя... Государь первыми владеет сам собою» [16. С. 152–153]. Этим подтверждалось Екатериной II право государя на частную собственность.

Не случайным можно считать совпадение времени написания императрицей «Наказа» и дополнений к нему и первого описания Колывано-Воскресенских заводов, составленного по ее заданию генералом Г. Веймарном. Основываясь на своих подсчетах, он довел до сведения Екатерины II, что самые крупные в мире американские, саксонские, норвежские, австрийские серебряные копи не могут сравниться с Колыванскими месторождениями [17. С. 124, 142; 18. С. 106].

Исключительное значение имеет свидетельство горного начальника Эйхенвальда, с которым в течение целых четырех часов довелось вести беседу ученому ботанику А. Брему во время его пребывания в Барнауле. Крестьяне Алтая за пользование землей в 70-е гг. XIX в. платили денежный оброк в размере 6 рублей с души, из которых 4 рубля 50 копеек поступали в царскую, а 1 рубль 50 копеек – в государственную казну. Это подтверждает действие указов 1 и 12 мая 1747 г. даже после реформы 1861 г. [19. С. 120]

Итак, уже в середине XVIII в. состоялось однозначное решение вопроса о собственнике кабинетского хозяйства в Сибири. Оно базировалось на нормах податного обложения, введенного Петром I: с приписных крестьян Алтайских и впоследствии Нерчинских заводов взимались 70 копеек «государственных податей» и 40 копеек так называемых «податей помещиковых». В дальнейшем они распределялись по разным каналам: первая сумма уходила «Нам», т.е. в пользу их владелицы – императрицы Елизаветы Петровны, вторая – в государственную казну Российской империи. Все последующее законодательство лишь подтверждало частную собственность российских императоров на Колывано-Воскресенские и Нерчинские заводы [20. С. 251–261].

Парадоксально, но возобновление в настоящее время дискуссии о природе кабинетского хозяйства в Сибири стало неизбежным результатом игнорирования содержания указов 1 и 12 мая 1747 г.

Так, в современной историографии предпринимаются попытки обнаружить «слабые стороны» концепции частновладельческой принадлежности кабинетского хозяйства императорам. Не доверяя информативным возможностям законодательных актов, П.А. Афанасьев главную роль в решении вопроса о владельческой принадлежности кабинетского хозяйства с 1747 г. признает за материалами государственных ревизий Алтая. Автор считает необходимым заниматься отношением чиновников к проблеме владельческой принадлежности Алтая. «Важным дополнением к нормативным актам, на наш взгляд, – пишет он, – должна быть рефлексия государства в отношении владельческого статуса региона». «Именно учет «рефлексии государства» может позволить суждение о «степени реального усвоения государством законодательных предписаний и фактического воплощения статуса региона».

[21. С. 109, 110]. Странное впечатление производит убежденность автора в том, что чиновники могли влиять на изменение статуса Алтайского горного округа. В этом он мог убедиться на примере посещения М.М. Сперанским Сибири в 1819 и 1820 гг., которое, как верно им отмечено, «по своим масштабам и значимости последствий явилось крупнейшим событием в истории региона в первой половине XIX в.». Восприняв ревизию М.М. Сперанского «как способ государственного контроля за ведомственным регионом Западной Сибири», П.А. Афанасьев сконцентрировал основное внимание на предложениях ревизора: «...лишить ведомственное руководство помещичьего права на округ и его население, признав за Кабинетом лишь собственность на заводы и производимую продукцию» [22. С. 215, 219, 220]. Похоже, П.А. Афанасьев не отрицает существования помещичьего права на Алтайский горный округ до ревизии М.М. Сперанского. Общеизвестно же, что в результате ревизии не произошло изменений ни во владельческой принадлежности Колывано-Воскресенских заводов, ни в социальном статусе приписных крестьян.

Сторонник концепции государственной собственности Колывано-Вознесенских заводов с 1747 г., А.Е. Кухаренко уверен, что именно она обладает «мощными перспективами для развития. Ее практически не использованный потенциал, возможная система доказательств и огромные не затронутые исследовательские ниши могут дать новое понимание проблемы». Автор считает необходимым «уходить от того сложившегося пространства фактов и доказательств и искать новые исследовательские сферы для того, чтобы развивать методологию дискуссии». Решение такой задачи, на его взгляд, потребует вывода разработки проблемы владельческой принадлежности заводов на междисциплинарную основу «с применением новых достижений не только истории, но и политологии, экономики, теории государства и права, с использованием современных теоретических концепций, а также с обязательной связкой проблемы владельческой принадлежности округа и проблемы государственного строя Российской империи». Важной составляющей такой «связки» должно стать, по мнению А.Е. Кухаренко, более пристальное внимание исследователей «к эволюции Кабинета Е.И.В., его положению в системе государственного устройства» [23. С. 153].

Едва ли есть какая-либо целесообразность в продолжении дискуссии о владельческой принадлежности кабинетского хозяйства в Сибири под углом зрения П.А. Афанасьева и А.В. Кухаренко. Поиски «нового» в решении данной проблемы не обещают положительного исхода, поскольку тексты указов 1 и 12 мая 1747 г. с предписанными ими суммами сборов с крестьян показывают, что уже с момента изъятия Колывано-Воскресенских заводов у наследников А. Демидова они становились частной собственностью императрицы Елизаветы Петровны.

Утвердившееся в 1980-е гг. представление о том, что в Сибири «государство было верховным собственником земли, собственником мануфактурных средств» и «в Сибири так и не возникло помещичье хозяйство» [24. С. 274, 478], не соответствует сложившейся реальности. Такое хозяйство не только возникло, оно развивалось до реформы 1861 г., обеспечив его собственнику положение самого крупного помещика империи. Все экономические ресурсы

этого хозяйства до конца XIX в. были подчинены горному делу [25; 26. С. 20], а условия владения им устраивали всех преемников Елизаветы Петровны, включая Николая II.

Литература

1. *От редакции* // История Сибири: в 5 т. – Т. 1. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. – С. 5–11.
2. *Жидков Г.П.* Социально-экономическое развитие приписной деревни Западной Сибири (1780–1861 гг.). : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1964. – 24 с.
3. *Сорокин М.Е.* О владельческой принадлежности горных предприятий Западной Сибири в феодальную эпоху // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. – Томск, 1966. – С. 124–131.
4. *Агапова Т.И.* Кабинетское хозяйство. 1747–1860-е гг. XIX в.: (Опыт социально-экономического исследования : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Л., 1967. – 63 с.
5. *Бородавкин А.П.* Реформа 1861 г. на Алтае. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. – 284 с.
6. *Соболева Т.Н.* Проблема собственности на сибирские горно-металлургические округа и управление Кольвано-Воскресенскими заводами (1747–1830 гг.) // Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. – Барнаул, 1997. – С. 5–70.
7. *Барз М.А.* О природе феодальной собственности // Вопросы истории. – 1978. – № 7. – С. 84–104.
8. *Жидков Г.П.* Алтайские приписные крестьяне и реформа 1861 г. (Историографические заметки) // Из истории аграрных отношений. – Калининград, 1976. – С. 3–35.
9. *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. – 264 с.
10. *Жидков Г.П.* Кабинетские и приписные крестьяне Забайкалья в первой половине XIX. // Забайкальский краеведческий ежегодник. – Чита, 1969. – № 3. – С. 92–100.
11. *Сорокин М.Е.* Горно-заводское хозяйство Кабинета в Западной Сибири (1747–1779 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1965. – 15 с.
12. «Именной Ее Императорского Величества указ, данный бригадиру (что ныне генерал-майор) Беэру мая 1 дня 1747 г.» // Государственный архив Алтайского края (ГААК). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 286.
13. «Мая 12. Именной, данный Сенату. О взятии в казну Кольвано-Воскресенских и прочих заводов умершего действительного статского советника Акинфия Демидова, о поселении близ оных заводов пришлых в Сибирь людей, и о зарабатывании ими там государственных податей // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. – СПб., 1830. – Т. 12. – № 9403.
14. *Соболева Т.Н.* Связь истории Алтая с вотчинной сущностью государственного строя России // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в.: сб. науч. тр. – Барнаул, 2005. – С. 266–283.
15. *Ведерников В.В.* Кабинетская цветная металлургия. Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – 186 с.
16. *Дополнения к большому «Наказу»* // Императрица Екатерина II о величии России. – М., 2003. – С. 146–154.
17. *Контев А.В.* Рукопись генерала Г. Веймарна – первое историко-статистическое описание Кольвано-Воскресенских заводов // Алтайский сборник. – Вып. 21. – Барнаул, 2004. – С. 121–142.
18. *Шакинко И.* Демидовы: Историческое повествование с портретами. – Екатеринбург: Пакрус, 2000. – 268 с.
19. *Брем А.* Путешествие по Алтаю (отрывки из дневника) / предисл. и пер. Л.В. Малиновского // Алтайский сборник. – Барнаул, 1992. – Вып. 15. – С. 97–127.
20. *Жеравина А.Н.* Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 324 с.
21. *Афанасьев П.А.* Отражение владельческой принадлежности кабинетского хозяйства Западной Сибири в материалах государственных ревизий 20–50-х гг. XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Седьмые чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул, 2009. – С. 109–111.

22. *Афанасьев П.А.* Ревизия Колывано-Воскресенского горного округа М.М. Сперанским // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в.: Материалы Всерос. науч. конф. – Томск, 2007. – С. 215–220.

23. *Кухаренко А.В.* Владельческая принадлежность Колывано-Воскресенского (Алтайско-го) горного округа (к историографии проблемы) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. – Новосибирск, 2006. – С. 144–153.

24. *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. – 504 с.

25. *Романов В.В.* Горная промышленность рудного Алтая в период разложения и кризиса феодализма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1968. – 20 с.

26. *Григорьева А.А.* Сдвиги в географии, промышленности Сибири (XVIII – начало XX в.) // Хозяйственное освоение и заселение районов Сибири. Дореволюционный период. – Иркутск, 1975. – С. 3–47.

Статья поступила 4 ноября 2013 г.

Zheravina Anna N. Tomsk State University (Tomsk, Russia)

THE OWNERSHIP OF ALTAI AND NERCHINSK PLANTS WITHIN THE CABINET HOUSEHOLD (1747–1861): IS THE DISCUSSION WORTH CONTINUING?

Key words: Cabinet, Cabinet household in Siberia, power, property, poll tax.

Since the late 1950s the research into the issue of Cabinet household ownership was accompanied by a discussion which is still ongoing. Concepts based on assumptions, the patrimonial theory of Russian statehood, and the unsupported statements on the absence of Cabinet household's legal status not only contributed to the continuation of the discussion, they laid the foundation for the search for new research niches, for finding new ways to define the owner of the Cabinet household since 1747.

The common denominator for all these concepts was the neglect of the clauses of the Decrees of May 1 and May 12, 1747, which gave an unambiguous answer to the questions about the terms of confiscating plants and determining their new owner. Despite the unquestionable competence of all the scholars engaged in the solution of the most debatable issue over the nature of Cabinet household, it turns out that no one went beyond speculations on the wording of the titles of the Decrees of May 1 and May 12, 1747, such as "taking in favour of the treasury" and "ordered to take upon Ourselves". Nobody paid attention to the clause on those living near the Kolyvano – Voskressensk plants who were obliged to carry out work for those plants. They began to pay poll tax to the owner of the plants and to the state budget separately. This fact is still being disregarded. Obviously, that clause turned out to be sufficient to decide on the owner of the plants since 1747 as all the subsequent legislation further confirmed the aforementioned decrees. It is possible that this way of solving the ownership problem after having confiscated the plants from A. Demidov's heirs reflected the disguised appropriation by Elizaveta Petrovna of the territory of West Siberia rich in ore, forests and farmland.

New ways proposed to solve the problem of Cabinet household ownership through referring to the materials of state revisions in Altai or through the interdisciplinary approach can hardly bring results. The reliance on the contemporary achievements of history as well as those of political science, economics, theory of state and law and other latest theoretical concepts do not promise positive results for the ongoing discussion.

Reading carefully the Decrees of May 1 and May 12, 1747, which are not easy – to perceive by contemporary scholars, allows drawing a convincing and very simple, at first sight, conclusion that the tax reform of Peter I which replaced the household tax of the state peasantry with the 70-copeck poll tax became the basis for the definition of the plants' ownership since 1747. Apart from that, as was the case with the landlord peasantry, they were to pay the 40-copeck "landlord taxes" to the state budget.

Apparently, the emergence and decades-long continuation of the debate which can last for years to come has become an inevitable outcome of neglecting the Decrees of 1747. It resulted in the scholars' hesitations in search for the owner of the Cabinet household.

The entrenched since the 1980s idea that the state was the supreme owner of land and manufacturing facilities in Siberia where no landlord estate emerged is not consistent with the reality. Such estate did emerge and develop until the reform of 1861 providing its owner with the status of Russia's major landlord. All the economic resources of this estate were oriented to mining.

The conditions of owning the Cabinet plants and lands and the reception of income from them satisfied all the successors of Elizaveta Petrovna up to Nicholas II. After the reform of 1861, Emperors

being landlords received 4.5 rubles out of the six-ruble rent paid by peasants while the remaining 1.5 rubles went to the state treasury in accordance with the order legalized yet in 1747.

References

1. *Ot redaktsii // Istoriia Sibiri: v 5 t. T. 1. L.: Nauka: Leningr. otd-nie, 1968. – S. 5–11.*
2. *Zhidkov G.P. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie pripisnoi derevni Zapadnoi Sibiri (1780–1861 gg.). : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Novosibirsk, 1964. – 24 s.*
3. *Sorokin M.E. O vladel'cheskoi prinadlezhnosti gornykh predpriatii Zapadnoi Sibiri v feodal'nuui epokhu // Voprosy arkhologii i etnografii Zapadnoi Sibiri. – Tomsk, 1966. – S. 124–131.*
4. *Agapova T.I. Kabinet'skoe khoziaistvo. 1747–1860-e gg. XIX v.: (Opyt sotsial'no-ekonomicheskogo issledovaniia : avtoref. dis. ... d-ra. ist. nauk. – L., 1967. – 63 s.*
5. *Borodavkin A.P. Reforma 1861 g. na Altae. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1972. – 284 s.*
6. *Soboleva T.N. Problema sobstvennosti na sibirskie gorno-metallurgicheskie okruga i upravlenie Kolyvano-Voskresenskimi zavodami (1747–1830 gg.) // Soboleva T.N., Razgon V.N. Ocherki istorii kabinet'skogo khoziaistva na Altae (vtoraia polovina XVIII – pervaiia polovina XIX v.). Upravlenie i obsluzhivanie. – Barnaul, 1997. – S. 5–70.*
7. *Barg M.A. O prirode feodal'noi sobstvennosti // Voprosy istorii. – 1978. – № 7. – S. 84–104.*
8. *Zhidkov G.P. Altaiskie pripisnye krest'iane i reforma 1861 g. (Istoriograficheskie zametki) // Iz istorii agrarnykh otnošenii. – Kaliningrad, 1976. – S. 3–35.*
9. *Zhidkov G.P. Kabinet'skoe zemlevladienie (1747–1917 gg.). – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1973. – 264 s.*
10. *Zhidkov G.P. Kabinet'skie i pripisnye krest'iane Zabaikal'ia v pervoi polovine XIX. // Zabaikal'skii kraevedcheskii ezhegodnik. – Chita, 1969. – № 3. – S. 92–100.*
11. *Sorokin M.E. Gorno-zavodskoe khoziaistvo Kabineta v Zapadnoi Sibiri (1747–1779 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Tomsk, 1965. – 15 s.*
12. *«Imennoi Ee Imperatorskogo Velichestva ukaz, dannyi brigadiru (chto nyne general-maior) Beeru maiia 1 dnia 1747 g.» // Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK). – F. 1. – Op. 1. – D. 80. – L. 286.*
13. *«Maiia 12. Imennoi, dannyi Senatu. O vziatii v kaznu Kolyvano-Voskresenskikh i prochikh zavodov umershego deistvitel'nogo statskogo sovetnika Akinfiia Demidova, o poselenii bliz onykh zavodov prishlykh v Sibir' liudei, i o zarabatyvanii imi tam gosudarstvennykh podatei // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1. – SPb., 1830. – T. 12. – № 9403.*
14. *Soboleva T.N. Sviaz' istorii Altaia s votchinnoiu sushchnost'iu gosudarstvennogo stroia Rossii // Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVII – nachala XX v.: Sb. nauch. tr. – Barnaul, 2005. – S. 266–283.*
15. *Vedernikov V.V. Kabinet'skaia tsvetnaia metallurgiiia. Sibir' v XVIII – pervoi polovine XIX v. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2012. – 186 s.*
16. *Dopolneniia k bol'shomu «Nakazu» // Imperatritsa Ekaterina II o velichii Rossii. – M., 2003. – S. 146–154.*
17. *Kontev A.V. Rukopis' generala G. Veimarna – pervoe istoriko-statisticheskoe opisanie Kolyvano-Voskresenskikh zavodov // Altaiskii sbornik. – Vyp. 21. – Barnaul, 2004. – S. 121–142.*
18. *Shakinko I. Demidovy: Istoricheskoe povestvovanie s portretami. – Ekaterinburg: Pakrus, 2000. – 268 s.*
19. *Brem A. Puteshestvie po Altaiu (otryvki iz dnevnika) / predisl. i per. L.V. Malinovskogo // Altaiskii sbornik. – Barnaul, 1992. – Vyp. XV. – S. 97–127.*
20. *Zheravina A.N. Kabinet'skoe khoziaistvo v Sibiri (1747–1861 gg.). – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2005. – 324 s.*
21. *Afanas'ev P.A. Otrazhenie vladel'cheskoi prinadlezhnosti kabinet'skogo khoziaistva Zapadnoi Sibiri v materialakh gosudarstvennykh revizii 20–50-kh gg. XIX v. // Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Sed'mye chteniia pamiati prof. A.P. Borodavkina. – Barnaul, 2009. – S. 109–111.*
22. *Afanas'ev P.A. Reviziia Kolyvano-Voskresenskogo gornogo okruga M.M. Speranskim // Regional'nye osobennosti upravleniia gosudarstvennym khoziaistvom Rossii XVIII – nachala XX v.: Materialy Vseros. nauch. konf. – Tomsk, 2007. – S. 215–220.*
23. *Kukhareenko A.V. Vladel'cheskaia prinadlezhnost' Kolyvano-Voskresenskogo (Altaiskogo) gornogo okruga (k istoriografiiu problemu) // Istoricheskie issledovaniia v Sibiri: problemy i perspektivy. – Novosibirsk, 2006. – S. 144–153.*
24. *Krest'ianstvo Sibiri v epokhu feodalizma. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1982. – 504 s.*
25. *Romanov V.V. Gornaia promyshlennost' rudnogo Altaia v period razlozheniia i krizisa feodalizma: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Novosibirsk, 1968. – 20 s.*
26. *Grigor'eva A.A. Sdvigi v geografii, promyshlennosti Sibiri (XVIII – nachala XX v.) // Khoziaistvennoe osvoenie i zaselenie raionov Sibiri. Dorevolutsionnyi period. – Irkutsk, 1975. – S. 3–47.*

РАБОЧАЯ ИСТОРИЯ

УДК 63.3(2)53

В.Н. Фаронов

ХАРАКТЕР ДОХОДОВ РАБОЧИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

В условиях развивающегося капитализма начала XX в. доходы сибирских рабочих частью были составными: помимо заработной платы они могли включать в себя прибыль от промысловой и сельскохозяйственной деятельности, аренды жилых помещений и т.п. В статье рассматриваются источники формирования бюджета рабочих Западной Сибири, в том числе корреляции между уровнем квалификации рабочего и наличием у его семьи домов, земельных участков, покосов. Сравнение степени зависимости сибирских рабочих от сельского хозяйства позволяет утверждать, что она была на одном уровне с общероссийским показателем, являясь, таким образом, еще одним аргументом, подтверждающим наличие в Западной Сибири развитого промышленного пролетариата.

Ключевые слова: *рабочие, семья, Сибирь, XIX век, промыслы.*

Постановка проблемы. В условиях невысокой заработной платы большинства сибирских рабочих, частых перерывов в работе, связанных как с сезонностью работ предприятий, их банкротством, так и с болезнями или увольнениями самих рабочих, огромную роль в пополнении семейного бюджета продолжали играть доходы от земли. Однако семья рабочего значительно отличалась от традиционной крестьянской семьи. Если у крестьян семья являлась производственной единицей, то у рабочих она уже либо переставала быть таковой и жила за счет заработков от внедомашнего производства, либо существовала в режиме «двойной экономики», т.е. за счет заработка и довольно значительного домашнего хозяйства. Однако доходы рабочих часто не ограничивались только двумя отмеченными выше способами – имелись и другие, пусть и менее важные, источники.

Задачей исследования является определение роли дополнительных источников доходов в бюджете рабочих семей Западной Сибири, в первую очередь их зависимости от земли. Важность темы обусловлена необходимостью совокупной оценки степени пролетаризации сибирских рабочих и уровня их благосостояния.

Хронологически исследование охватывают период с конца XIX в. до 1917 г. Нижняя граница исследования обоснована тем, что с началом строительства Транссиба в 1890-х гг. в Сибири начинается процесс интенсивной модернизации, что соотносится с определенным В.П. Зиновьевым 5-м этапом модернизации Сибири, характеризуемым началом промышленного переворота во всех отраслях экономики [1. С. 190]. Верхняя граница исследования – Октябрьская революции 1917 г., положившая конец дальнейшему развитию капитализма в России. Однако для выявления характера связи рабочих с землей использовались материалы 1920-х гг., выходящие за хронологические

рамки исследования. На наш взгляд, допустимость такого подхода обоснована тем, что формирование и развитие рабочего класса в Сибири являлось целостным процессом и даже кардинальные социально-экономические изменения, ставшие следствием революции 1917 г., не могли в короткий период изменить материальной основы существования класса рабочих, по крайней мере, до конца 20-х гг. прошедшего столетия, когда, во-первых, государство круто изменило социально-экономическую политику, взяв курс на форсированную индустриализацию, и, во-вторых, старое поколение рабочих в значительной степени сменилось новым, выросшим уже в другом мире и воспитанным на других идеалах.

Изученность темы. Исследованием характера доходов рабочих Западной Сибири ученые-историки занимаются давно. Большой вклад в изучение этого вопроса внесли такие ведущие исследователи региона, как В.П. Зиновьев, В.А. Скубневский, Б.И. Земеров и др. Однако говорить о полной изученности данного вопроса пока рано, так как, на наш взгляд, еще в недостаточной мере исследованы характер и значимость дополнительных доходов в бюджете сибирского рабочего.

Источники и методы. Настоящее исследование основано на данных архивов Алтайского края, Новосибирской, Томской и Тобольской областей. Используемые источники относятся к категории делопроизводственных – это различного рода дела о назначении пособий, списки, анкеты, опросные листы различных предприятий и ведомств, на основе которых были составлены статистические данные о хозяйстве рабочих. Методологической основой работы стала теория модернизации, в рамках которой создана объяснительная модель процессов перехода от аграрного общества к индустриальному.

Результаты исследования. В рамках данной статьи мы рассмотрим связь рабочего с землей только в контексте дополнительных доходов. Для этого необходимо исследование личного хозяйства семьи рабочего Западной Сибири, которое мы начнем с общего обзора состояния дел. Так, рабочие Сузунского завода в 1909–1913 гг. в своей собственности имели жилые дома, строительство которых часто происходило при значительной материальной поддержке работодателя и которые оценивались у разных категорий работников от 30 до 450 руб., огороды от 5×10 до 14×24 саженой, покосы от 2 до 4 десятин, некоторые содержали 1–2 лошади и столько же коров, в ряде домохозяйств также имелись овцы (1–5 голов). Такая же в основном ситуация была и у рабочих Гурьевского завода, Риддерских и Сокольных рудников, Салаирских приисков и Кольчугинской копи [2]. Сходная ситуация наблюдалась и в городе, где многие рабочие имели иногда значительные приусадебные участки и содержали скот. Причем занятие горожан сельским хозяйством являлось традиционной чертой населения сибирских и российских городов. Овощи, которые выращивались на приусадебных участках, использовались по преимуществу для потребления семьи. Лишь при наличии излишков их продавали на рынке, что, впрочем, не было частым явлением.

Из скота в первую очередь старались содержать коров, что позволяло обеспечить молоком и молочными продуктами всю семью. Молоко продавали редко, предпочитая во время постов его накапливать для изготовления масла и творога. Для многих наиболее бедных семей владение коровой было

желанной и часто несбыточной мечтой. Некоторые содержали также и лошадей. Это объяснялось возможностью заработать извозом, заводскими работами, на которых нужна была конная тяга, и использованием для иных хозяйственных нужд, например для доставки фуража.

Важными проблемами для семейного хозяйства были выпас скота, заготовка фуража, его транспортировка и складирование. Наличие участков под покосы лишь частично решало проблему, зачастую сена не хватало и его приходилось покупать на рынке.

Чтобы показать всю важность домашнего хозяйства в экономике рабочей семьи, сравним расходы рабочих монопольных складов Томской губернии. Так, в среднем расходы на питание были меньше у рабочих Бийска и Кузнецка, где они составляли 3,1 руб. на одного члена семьи, и больше у рабочих Новониколаевска и Барнаула, где они равнялись 5,5 руб. на члена семьи в Барнауле и 7,9 руб. на члена семьи в Новониколаевске. Различались и расходы на оплату жилья. Меньшими они были опять-таки в Бийске и Кузнецке – в среднем 0,8 руб. на члена семьи. В Новониколаевске и Барнауле этот показатель равнялся соответственно 2,3 и 9,3 руб. на члена семьи [3. С. 64–65]. Такое различие объясняется тем, что часть рабочих Бийска и Кузнецка жили в своих домах и имели подсобное хозяйство, следовательно, меньше тратили на покупку продуктов, в отличие от рабочих монопольных складов Барнаула и Новониколаевска.

Можно лишь весьма предположительно определить, какой процент составлял доход от хозяйства в семейном бюджете. Безусловно, основу бюджета рабочей семьи составляла зарплата рабочего – главы семьи, иногда также и других членов семьи (жены и детей). Но большое значение по-прежнему имело и сельское хозяйство. По данным В.А. Скубневского, в 1923 г. доход сибирских рабочих от сельского хозяйства составлял от 4,3 до 10% [4. С. 154].

Некоторые архивные материалы отчасти проливают свет на характер дохода рабочих от хозяйства (таблица). Отмеченные выше делопроизводственные источники состоят либо из множества отдельных дел, либо из списков рабочих, в которых содержатся сведения о семейном и имущественном положении. В таблице приводятся сведения, полученные объединением результатов анализа данных этих источников.

Домашние хозяйства рабочих семей

Показатели	Томск 1901 г.		Алтайский округ 1909– 1913 гг.		Кузнецкий уезд 1920 г.		Новониколаевск 1923 г.		Барнаул 1924 г.		Тобольск 1929 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Количество семей	27		128		25		61		310		145	
Имущество	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Дома	1	3,7	92	74,2			1	1,6	141	45,5	11	7,6
Коровы	–	–	84	65,6	25	100	2	3,3	163	52,6	8	5,5
Лошади	–	–	80	62,5	19	76	3	4,9	73	23,5	1	0,7
Птица, мелкий скот	–	–	9	7	24	96	–	–	50	16,2	–	–
Огороды	–	–	10	7,8	25	100	–	–	–	–	–	–
Покосы	–	–	19	14,8	–	–	2	3,3	–	–	–	–
Пасеки	–	–	2	1,6	–	–	–	–	–	–	–	–

Источники: [2, 5, 6, 7, 8, 9].

Так, по Анкетам принятия на казённый винный склад в г. Томске от 16 июня 1901 г. было исследовано 27 семей [5]. Лишь в одном случае отмечено владение собственностью (3,7%) – домом в Новониколаевске.

Согласно Дела о назначении пенсий и пособий рабочим Гурьевского и Сузунского заводов, Риддерских и Сокольных рудников, Салаирских приисков и Кольчугинской копи (1909–1913 гг.) исследовано 128 домохозяйств [2]. В результате было установлено следующее: 74,2% (92) семей имели свой дом; 65,6% (84) семей имели коров, из них у 29,8% (25) было более 2 коров (максимальное количество – 12); 62,5% (80) семей имели лошадей, из них 33,8% (27) имели более 2 лошадей (максимальное количество – 7); птицу и мелкий скот содержали 7% семей (9); 7,8% (10) владели огородами размером от 6×10 до 14×24 сажений; 14,8% (19) семей имели покосы размером от 1 до 4 десятин и в одном случае 12 десятин; 1,6% (2) содержали пасеки.

По Подворным карточкам всесоюзной переписи 1920 г. исследовано 25 домохозяйств рабочих Кузнецкого уезда, Кузнецкой волости, селения Завод Площадка [6]. Из них 100% (25) владели огородами; 100% (25) имели в своем хозяйстве корову, у 40% (10) из них было 2 и более коровы (максимальное количество – 5); 76% (19) имели лошадей, из них 21% (4) имели 2 и более лошади (максимальное количество – 7); в одном домохозяйстве (4%) содержались свиньи; 92% (23) имели в хозяйстве птицу.

По Опросным листам об оказании материальной помощи рабочим Новониколаевска за 1923 г. исследовано 61 домохозяйство [7]. Лишь у 3,3% (2) имелось по одной корове; у 4,9% (3) – по одной лошади; у 3,3% (2) – покосы в 2 и 10 десятин; отмечена одна семья (1,6%), владевшая своим домом.

По Спискам рабочих и служащих пимокатной мастерской 1-го Барнаульского кредитного товарищества, водного транспорта, деревообделочников, типографии ОМХ Алтайгубисполкома, завода «Серп и молот», дрожжевинокуренного и пивоваренного заводов и кузнечно-экипажной мастерской на получение сенокосных участков 1924 г. исследовано 310 домохозяйств [8]. Свои дома имели 45,5% (141) семей, из них 0,6% (2) обладали двумя домами; 52,6% (163) семей имели коров, из них 4,8% (15) – 2 и более коровы; 23,5% (73) содержали лошадей; из них две семьи (0,6%) имели 2 и 4 лошади; 16,2% (50) семей содержали мелкий скот.

Согласно данным Анкет по чистке безработных за 1929 г. (Т. 1–4) в г. Тобольске было исследовано 145 семей рабочих [9]. Из них 11 (7,6%) – свои дома; 8 (5,5%) – коров; 1 (0,7%) – лошадь.

К сожалению, данные о хозяйстве рабочих семей Западной Сибири многочисленны и зачастую охватывают небольшое количество рабочих. Это, конечно, не позволяет делать какие-либо окончательные заключения, но все же мы можем и на основе имеющихся данных сделать некоторые выводы. Отметим и то, что в ряде случаев малочисленность исследуемого контингента рабочих не является серьезным недостатком. Так, исследование небольшого количества кандидатов на должность машинистов и помощников машинистов на казенный винный склад г. Томска в 1901 г. – 27 чел. – отражает ситуацию, характерную практически для всех рабочих данного типа: рабочие соответствующих специальностей были в подавляющем большинстве пришлыми и по этой причине преимущественно не имели собственного хозяйст-

ва. Несколько иная ситуация с материалом Анкеты по чистке безработных в г. Тобольске (1929 г.), однако эти материалы охватывают все категории рабочих, по каким-либо причинам оказавшихся не у дел, таким образом, представляя возможность взглянуть на пролетариат Тобольска в «усредненном» виде. И наконец, самыми неполными можно признать данные по Новониколаевску 1923 г. Однако, на наш взгляд, в связи с малочисленностью источников по данному вопросу не следует пренебрегать любым имеющимся материалом, который хотя и в малой мере, но все же проливает свет на исследуемый вопрос.

Учитывая вышеотмеченное, мы можем перейти к анализу данных рассматриваемых источников.

Как видим, наибольшая связь с землей сохранялась у рабочих, живших в сельской местности: селение Завод Площадка Кузнецкого уезда. Здесь самый высокий показатель личного хозяйства. Наиболее близкие показатели у рабочих кабинетских предприятий Алтайского округа, что не удивительно, так как они жили в сельской местности. Однако и барнаульские рабочие различных предприятий города также, что видно из данных «Списков», обладали немалой собственностью, находясь по этому показателю близко к рабочим, жившим в сельской местности.

Диаметрально противоположные показатели характеризуют рабочих Новониколаевска за 1923 г., где отмечен лишь небольшой процент владельцев всех видов собственности. Еще ниже показатель у квалифицированных рабочих Томска за 1901 г., где лишь один кандидат на должность имел в собственности свой дом. Незначителен процент владеющих собственностью и среди рабочих Тобольска (1929 г.).

В трех последних случаях говорить о какой-либо существенной связи с землей не приходится. В остальных случаях эта связь относительно большая, как и у многих других категорий промышленных рабочих Сибири.

Конечно же, относительно высокая связь с землей была присуща не только рабочим Сибири. Согласно материалам переписи 1918 г. в целом по России 31,3% рабочих владели земельными участками; 20,9% вели хозяйство с помощью членов своей семьи. Большой удельный вес рабочих, владевших земельной собственностью, был среди рабочих горной (44,4%), пищевой (38,1%) и текстильной (до 41,1%) промышленности, т.е. тех отраслей, которые были наиболее развитыми и в Сибири. Наименьшей удельный вес рабочих, владевших земельной собственностью, был в машиностроительной (24,1%), полиграфической (17,5%) и некоторых других отраслях [10. С. 123]. Как можно видеть, среди высококвалифицированных рабочих Томска в 1901 г., у рабочих Новониколаевска в 1923 г. и Тобольска в 1929 г. удельный вес владельцев земельных участков находился на еще более низком уровне.

Среди иных источников дохода нужно отметить, прежде всего, различные промыслы, которые являлись важным для рабочих подспорьем. Так, например, «стекольный завод Ляпунова в Томском уезде работал только месяца два в году. Рабочие помимо заводских работ плели сети, занимались рыболовством. При этом штат рабочих был постоянным. Иногда рабочие вообще летом уходили с предприятий. Например, барнаульские пимокаты и шубники летом в деревнях катали пимы на заказ и занимались строительством» [11.

С. 61]. Рабочие, имевшие свои жилища, могли сдавать часть жилой площади в аренду рабочим, не имевшим жилья, взимая плату, достигавшую в начале XX в. в Алтайском округе 1–1,6 руб. в месяц [2]. Некоторые занимались надомным трудом, не исключались и случайные заработки. Однако продолжительный рабочий день (в конце XIX в. 12–13 часов, без учета перерывов на принятие пищи и отдых, а со 2 июня 1897 г., после принятия закона об ограничении времени работы до 10–11 часов) ограничивал возможности рабочего заниматься какой-либо иной деятельностью. Поэтому рабочие зачастую могли себе позволить в качестве источника дополнительного дохода только сверхурочную работу. В обязанности фабричной инспекции, конечно, входил и контроль над незаконными сверхурочными работами, однако его отсутствие в Сибири позволяло свободно нарушать законы, ограничивавшие рабочее время.

Кроме того, по возможности рабочие старались «подработать» на заводском оборудовании, там где они трудились. Об этом, например, свидетельствует цитата из Жалобы мастеровых от 1893 г.: «...фабричные рабочие кроме окладного жалования, имели возможность в свободное от занятий на казённых работах время зарабатывать кое-что для своего существования, занимаясь обработкой вещей по вольным заказам» [12].

Ситуация с дополнительными доходами была аналогичной и у рабочих Европейской России, и у рабочих зарубежной Европы. Если говорить о последних, то отметим, что и здесь рабочие не были заняты на производстве постоянно. Прервать работу могли болезнь, несчастный случай или увольнение. Поэтому доход семьи городского фабричного рабочего состоял из разных частей. Наряду с регулярной оплатой труда на производстве он также формировался за счет случайных заработков членов семьи, надомного труда, сдачи внаем жилья и т.п. [13. С. 180].

Можно констатировать, что доходы рабочих часто носили составной характер. Основная доля их состояла из заработной платы (у многих она уже была единственным источником), но не малая часть приходилась и на сельское хозяйство, промыслы, надомную работу, аренду жилых помещений, использование для подработки заводских ресурсов и т. п. Значительная зависимость от хозяйства наблюдалась у рабочих, живших в сельской местности, а также и некоторых категорий городских рабочих. Однако квалифицированные рабочие уже не имели домашнего хозяйства. Сравнительный анализ позволяет утверждать, что зависимость сибирских рабочих от сельского хозяйства была на одном уровне с общероссийским показателем, что является еще одним аргументом, доказывающим наличие в Западной Сибири развитого промышленного пролетариата, впрочем, с незначительной долей удельного веса среди населения. Отметим и то, что составной доход имели и многие промышленные рабочие зарубежной Европы рассматриваемого периода истории. Эти сравнения дают основания для вывода, что составной характер доходов сибирских рабочих вовсе не свидетельствовал об их классовой отсталости, а отражал суровую необходимость борьбы за выживание в условиях капитализма начала XX в.

Литература

1. *Зиновьев В.П.* Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сб. материалов Всерос. конф. – Новосибирск, 2003. – С. 19–27.
2. *Дела* о назначении пенсий и пособий рабочим Гурьевского и Сузунского заводов, Риддерских и Сокольных рудников, Салаирских приисков и Кольчугинской копи (1909–1913 гг.) // Государственный архив Алтайского края. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 991, 1001, 1002, 1016, 1046, 1048, 1050–1052, 1056–1061, 1063, 1065, 1067, 1069–1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100–1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123.
3. *Скубневский В.А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е годы XIX в. – февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 1991. – Т. 1. (На правах рукописи).
4. *Скубневский В.А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 272 с.
5. *Анкеты* принятия на казённый винный склад в г. Томске от 16 июня 1901 г. // Государственный архив Томской области. – Ф. 209. – Оп. 1. – Д. 136.
6. *Подворные* карточки всесоюзной переписи. Кузнецкий уезд, Кузнецкая волость, селение Завод Площадка. 1920 г. // Государственный архив Новосибирской области. – Ф. 1328. – Оп. 1. – Д. 135.
7. *Опросные* листы об оказании материальной помощи рабочим Новониколаевска. 1923 г. // Государственный архив Новосибирской области. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 555.
8. *Списки* рабочих и служащих Пимокатной мастерской 1-го Барнаульского кредитного товарищества, Водного транспорта, деревообделочников, типографии ОМХ Алтайгубисполкома, завода «Серп и молот», дрожжевинокуренного и пивоваренного заводов и кузнечно-экипажной мастерской на получение сенокосных участков. 1924 г. // Государственный архив Алтайского края. – Ф. Р-14. – Оп. 1. – Д. 206.
9. *Анкеты* по чистке безработных за 1929 г. (Т. 1–4) в г. Тобольске // Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. – Ф. 311. – Оп. 1. – Д. 104а, 106а – 108а.
10. *Иванова Н.А.* Структура рабочего класса России 1910–1914. – М.: Наука, 1987. – 282 с.
11. *Скубневский В.А.* Источники формирования рабочих обрабатывающей промышленности Сибири конца XIX – начала XX в. // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма: материалы к «Истории рабочего класса Сибири». – Новосибирск, 1980. – С. 57–85.
12. *Жалоба* мастеровых. 1893 г. // Государственный архив Алтайского края. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 132.
13. *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 300 с.

Статья поступила 25 октября 2013 г.

Faronov Vyacheslav N., Altai State University (Barnaul, Russia)

WORKERS' INCOME IN WESTERN SIBERIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Key words: work, family, Siberia, XIX century, crafts.

In emerging capitalism of the early XX century income of Siberian workers was often composite. The main part of it consisted of wages (for many of them it already was the only source), but the other, quite a significant part was accounted for by agriculture, crafts, home-based work, rental of residential premises etc. Significant dependence on farmsteads was observed in workers living in rural areas, as well as some categories of urban workers. However, qualified workers did not even have a private farmstead. The study of several groups of workers in Western Siberia in the early XX century showed that workers living in rural areas had the greatest reliance on land: the village Zavod Ploshchadka of the Kuznetsk district. Here, the percentage of those having farmsteads was the highest. Similar results were produced for workers of the Cabinet enterprises of the Altai territory, which is not surprising, since they lived in rural areas. However, workers of enterprises in the city of Barnaul, as seen from the «Lists», also had considerable property coming close for this indicator to workers living in rural areas. The indicators among workers of Novonikolaevsk in 1923 are completely opposite – here, the percentage of owners of all kinds of property is quite small. The indicator is even smaller among skilled workers of Tomsk in 1901, where only one candidate for the position owned a private house. Insignifi-

cant is this percentage and among workers of Tobolsk as well (1929). In the last three cases one can hardly speak of any substantial reliance on land. In other cases it is relatively large. It is also true for other categories of industrial workers of Siberia. The comparative analysis shows that the dependence of Siberian workers on agriculture was close to the all-Russian indicator which is other evidence that proves the presence in Western Siberia of developed industrial proletariat constituting a small percentage of the population though.

References

1. *Zinov'ev V.P.* Osobennosti perekhoda Sibiri ot agrarnogo obshchestva k industrial'nomu // Sibirskoe obshchestvo v kontekste modernizatsii XVIII–XX vv.: sb. materialov Vseros. konf. – Novosibirsk, 2003. – S. 19–27.
2. *Dela* o naznachanii pensii i posobii rabochim Gur'evskogo i Suzunskogo zavodov, Ridderskikh i Sokol'nykh rudnikov, Salairskikh priiskov i Kol'chuginskoi kopi (1909–1913 gg.) // Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia. – F. 4. – Op. 1. – D. 991, 1001, 1002, 1016, 1046, 1048, 1050–1052, 1056–1061, 1063, 1065, 1067, 1069–1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100–1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123.
3. *Skubnevskii V.A.* Rabochie obrabatyvaiushchei promyshlennosti Sibiri (90-e gody XIX v. – fevral' 1917 g.) : dis. ... d-ra ist. nauk. – Barnaul, 1991. – T. 1. (Na pravakh rukopisi).
4. *Skubnevskii V.A.* Rabochie obrabatyvaiushchei promyshlennosti Sibiri. – Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta, 1991. – 272 s.
5. *Ankety* priniatiia na kazenni vinnyi sklad v g. Tomske ot 16 iunija 1901 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. – F. 209. – Op. 1. – D. 136.
6. *Podvornnye* kartochki vsesoiuznoi perepisi. Kuznetskii uezd, Kuznetskaia volost', selenie Zavod Ploshchadka. 1920 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti. – F. 1328. – Op. 1. – D. 135.
7. *Oprosnye* listy ob okazanii material'noi pomoshchi rabochim Novonikolaevska. 1923 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti. – F. 10. – Op. 1. – D. 555.
8. *Spiski* rabochikh i sluzhashchikh Pimokatnoi masterskoi 1-go Barnaul'skogo kreditnogo tovarishchestva, Vodnogo transporta, derevoobdelochnikov, tipografii OMKh Altaigubispolkoma, zavoda «Serp i molot», drozhevinokurenno i pivovarenno zavodov i kuznechno-ekipazhnoi masterskoi na poluchenie senokosnykh uchastkov. 1924 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia. – F. R. 14. – Op. 1. – D. 206.
9. *Ankety* po chistke bezrabotnykh za 1929 g. (T. I–IV) v g. Tobol'ske // Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tiimenskoi oblasti Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske. – F. 311. – Op. 1. – D. 104a, 106a – 108a.
10. *Ivanova N.A.* Struktura rabocheho klassa Rossii 1910–1914. – M.: Nauka, 1987. – 282 s.
11. *Skubnevskii V.A.* Istochniki formirovaniia rabochikh obrabatyvaiushchei promyshlennosti Sibiri kontsa XIX – nachala XX v. // Promyshlennost' i rabochie Sibiri v period kapitalizma: materialy k «Istorii rabocheho klassa Sibiri». – Novosibirsk, 1980. – S. 57–85.
12. *Zhaloba* masterovykh. 1893 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia. – F. 3. – Op. 1. – D. 132.
13. *Zider R.* Sotsial'naia istoriia sem'i v Zapadnoi i Tsentral'noi Evrope (konets XVIII–XX vv.). – M.: Gumanit. Izd. tsentr VLADOS, 1997. – 300 s.

УДК 94(571)

В.П. Зиновьев

ШКОЛЫ НА ПРИИСКАХ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.¹

В статье рассматриваются социокультурные аспекты развития золотопромышленности в Сибири. Золотой промысел, продвигаясь в тайгу, образовывал постоянные и временные поселения, которые требовали открытия школ, культурных учреждений. Предприниматели, часто не желая этого, способствовали формированию индустриального образа жизни и самосознания, культурному освоению сибирского пространства.

Ключевые слова: Сибирь, золотопромышленность, школы.

Постановка проблемы. О золотопромышленности Сибири написано много книг, статей и диссертаций, однако одна сторона приисковой жизни остается до сих пор практически не изученной современной историографией – состояние школьного обслуживания населения золотопромышленных районов. Этому сюжета редко касались в своих сочинениях дореволюционные исследователи и публицисты [1–3], в советское время сведения о постановке школьного дела иногда встречались в трудах о положении рабочих Сибири [4. С. 148–150]. В постсоветской историографии к этой теме обратились П.П. Румянцев, исследуя историю служащих на золотых промыслах [5], и О.Б. Гач, изучавшая развитие негосударственного образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. [6]. Последняя публикация на эту тему принадлежит автору этих строк [7]. Цель настоящей статьи – собрать и систематизировать доступную информацию о школах на приисках Сибири в XIX – начале XX в. и определить их роль в социокультурном развитии края.

Источники и методы. Анализ состояния школьного образования для детей и взрослых в золотопромышленности Сибири возможен только с опорой на горно-заводскую отчетность. Сведения о школах для детей входили составной частью в отчеты горной инспекции – окружных горных инженеров и начальников горных областей – Томской и Иркутской. В них сообщалось о числе учителей и учеников, окончивших школы. Большая часть этой отчетности хранится в государственных архивах Томской и Иркутской областей, в фонде Горного департамента Российского государственного исторического архива. Отчетность за 1992–1912 гг. опубликована в журналах «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще», «Горные и золотопромышленные известия», «Золото и платина», в отдельных публикациях. Значительную информацию о школах на приисках дают газеты дореволюционной Сибири, в которых часто публиковались сообщения о приисковой жизни. В статье использованы сравнительно-исторический и статистический методы.

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Результаты исследования. Первые школы на приисках Сибири открылись в Алтайском и Нерчинском горных округах соответственно в 1840-х гг. (на 100 учеников и 3 учителей) и в 1850-х гг. (закрылась в 1861 г.) [1. Т. 1. С. 282–283, 310; Т. 2. С. 582]. Они действовали в рамках системы горнозаводских школ, задачей которой была подготовка кадров для кабинетских предприятий [8. С. 88–89]. Эти школы были недолговечны, так как кабинетское начальство быстро пришло к выводу, что строить поселки с постоянным населением при золотых промыслах, как при других предприятиях Кабинета, невыгодно из-за временности самого промысла.

На частных золотых промыслах школы были открыты поздно – в 1880-е гг., так как долгое время золотопромышленники не разрешали рабочим и служащим привозить на прииски семьи. Женщины допускались только в виде прислуги. В таких условиях появление на приисках значительного числа детей исключалось. Постоянное население сложилось к концу XIX в. на приисках Томской губернии. В 1890 г. на 5093 рабочих здесь приходилось 2012 женщин и 2188 детей. Школ же было 2 – на Неожиданном (33–62 ученика) и на Андабинском (30 учеников) приисках Южно-Алтайского золотопромышленного дела. В.И. Семевский сообщает, что в феврале 1894 г. была открыта школа на приисках Мариинского округа – 27 учеников, на Пророко-Ильинском прииске Кузнецовых в Алтайском горном округе. В 1896 г. в Томском горном округе было 5 школ и 150 учеников [1. Т. 2. С. 118, 131]. Горная инспекция отмечала острую нужду в школах и учителях.

На приисках Енисейской губернии школа с интернатом на 12 человек существовала при церкви на Талом прииске Асташева в 1894–1896 гг. [1. Т. 2. С. 239]. На Ленских приисках школы были открыты в 1880-е гг. В К^о Промышленности школа появилась в 1881 г. на 34 ученика. В 1882 г. в ней учились 37 мальчиков, в т.ч. 15 из рабочих семей. В школу набирали учеников дважды в год – с 1 октября и 10 марта, каникулы назначались с 10 июня по 15 августа. В 1883 г. в школе был 41 ученик, в 1885 г. – 28. Известно также, что школы работали в 1889 г. на приисках Малопахомского Товарищества, в 1890 г. на Успенском прииске К^о Промышленности (30 учащихся), на приисках Бодайбинской К^о, в 1891–1904 гг. и приисках Лензото (27 учеников). Обучение было бесплатным и осуществлялось по программам начальных школ Министерства просвещения. Школы заканчивали обычно только дети служащих. На Тихоно-Задонском прииске Лензото в 1896 г. действовала воскресная школа (7 учеников) [1. Т. 2. С. 433–435].

Подсчет числа школ, учителей и учеников на приисках показывает, несмотря на неполноту сведений, позитивную динамику в период 1895–1916 гг.: число школ выросло более чем в полтора раза, учителей – почти в три раза, учеников – более чем в четыре раза.

За 1895–1900 гг. сведения только по Ленскому округу, за 1901–1907 гг. нет сведений по Енисейскому округу, 1903–1906 гг. – нет сведений о числе учителей и учеников по четырем школам Томской горной области, 1907–1910 гг. – нет сведений по Алтайскому, Красноярско-Ачинскому, Зейскому округам, 1911–1912 гг. нет сведений по Алтайскому и Зейскому округам, 1914–1915 гг. – нет сведений по Алтайскому округу, 1916 г. – нет сведений по Енисейской губернии. Учтена территория Сибири, без Дальнего Востока и Казахстана.

Школьное дело на золотых промыслах Сибири в 1895–1916 гг.*

Годы	Прииски	Годовые рабочие	Школы	Учителя	Ученики
1895	870	32690	9	9	225
1896	796	26232	11	11	234
1897	780	25123	11	11	183
1898	709	23533	8	8	272
1899	785	27289	13	13	351
1900	782	27314	12	12	426
1901	809	28895	16	16	69
1902	702	29112	14	14	43
1903	676	27446	11	11	247
1904	682	22658	7	9	413
1905	606	21106	8	10	Нет сведений
1906	491	19573	10	12	503
1907	487	19929	10	15	467
1908	550	23122	10	12	441
1909	515	24920	11	15	506
1910	651	33599	12	15	488
1911	730	37197	13	17	676
1912	781	40614	12	17	854
1913	761	41596	17	26	1323
1914	734	41665	16	24	1110
1915	731	38692	14	24	1250
1916	754	40929	15	25	961

*Источники подсчета: Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1896. № 1. С. 18; № 23. С. 423–424; № 24. С. 442–443; 1897. № 3. С. 48,49; № 4. С. 83; № 10. С. 227–228; № 11. С. 248–253; № 21. С. 475; № 23. С. 529; 1898. № 10. С. 238; № 20. С. 467; № 21. С. 498, 499; № 23. С. 568, 569; 1899. № 20. С. 471, 472; № 21. С. 489; № 22. С. 510; № 23. С. 540; № 24. С. 569; 1901. № 1. С. 7; № 2. С. 26–27; № 3. С. 43–46; № 6. С. 103; № 7. С. 124; № 13. С. 215–217; № 14. С. 233; № 21. С. 358; № 22. С. 381; № 23. С. 400–403; 1902. № 12. С. 233–235; № 13. С. 253; № 14. С. 277–278; № 15. С. 294; № 19. С. 366–367; № 20. С. 383; № 21. С. 401–402; № 22. С. 416–418; 1903. № 7. С. 107–108; № 8. С. 122–123; № 10. С. 153; 1904. № 4. С. 82; № 5. С. 105; № 6. С. 135; 1905. № 9. С. 235–237; Горная промышленность Сибири. Томская горная область в 1902 году. Томск, б.г. С. 16–22; ... в 1903 году. Томск, б.г. С. 20–26; ... в 1904 году. Томск, б.г. С. 18–27; ... в 1905 году. Томск, б.г. С. 23–33; ... в 1907 году. Томск, б.г. С. 36–48; ... в 1912 году. Томск, б.г. С. 19–51; Горные и золотопромышленные известия. 1904. № 1. С. 6; 1905. № 4. С. 53; № 6. С. 39; № 7. С. 104; 1906. № 12–13. С. 131; № 16. С. 169; № 17. С. 180; 1907. № 20. С. 234; № 24. С. 292–294; 1908. № 1. С. 3–5; № 3–4. С. 40–41; № 7–8. С. 80; 1910. № 3–4. С. 27; № 5. С. 36; № 8. С. 63–64; № 9. С. 69–72; № 13. С. 115–116; № 14. С. 125, 127–128; № 17. С. 159–161; 1911. № 4. С. 42–44; № 9. С. 86–98; № 10. С. 97–100; № 19. С. 206; № 20. С. 214–216; № 21. С. 226–228; 1912. № 9. С. 190; № 10. С. 215–216; № 12. С. 263–264; № 13. С. 288–289; 1913. № 7. С. 156–157; № 8–9. С. 176–181, 192; № 10. С. 213–217; № 11. С. 236–237; № 13. С. 299; № 18. С. 418–419; № 19. С. 439–440; 1914. № 8–9. С. 171–173; № 12. С. 253; № 22. С. 490; № 24. С. 562; 1915. № 5. С. 76; Золото и платина. 1912. № 5. С. 411; № 18. С. 547; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 543. Оп. 1. Д. 193. Л. 9; Д. 264. Л. 24; Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 337. Л. 101–291; Д. 402. Л. 166–169; Д. 433. Л. 36; Д. 434. Л. 23–25; Д. 446. Л. 94, 113; Д. 449. Л. 22–24; 176–184; Д. 452. Л. 38; Д. 1720. Л. 58, 81, 145–178; Д. 1797. Л. 150–160; Д. 1860. Л. Л. 4–12; Ф. 286. Оп. 1. Д. 35. Л. 33, 53–54; Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 174. Л. 2–13; Д. 203. Л. 3–20; Д. 304. Л. 13–15; Ф. 426. Оп. 1. Д. 82. Л. 83–84; Ф. 428. Оп. 4. Д. 2765. Л. 144–148; Д. 3035. Л. 165–167; Ф. 433. Оп. 1. Д. 277. Л. 73–302; Д. 301. Л. 45–46, 59–60, 70–71; Д. 532. Л. 29, 33, 118–119, 123–126, 133–134, 137–138, 145, 168–172, 353, 359–360; Д. 544. Л. 56, 154–156, 162, 220, 226–227, 248–250, 253, 362, 365; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 67. Д. 1316. Л. 6–9; Оп. 75. Д. 405. Л. 94–97; Д. 433. Л. 3–15; Д. 581. Л. 11–34; Д. 602. Л. 19; Д. 681. Л. 14–21; Д. 714. Л. 8–13, 26–28; Д. 721. Л. 8–9; Д. 728. Л. 16–18; Оп. 77. Д. 1179. Л. 112–127.

Анализ данных таблицы показывает, что число школ, учителей в целом коррелируется с числом рабочих на приисках, чем больше рабочих, тем больше школ и учителей. Вместе с тем в конце XIX в. наметился рост обес-

печенности приискового населения школами. При некотором сокращении числа рабочих в 1895 г. с 32 тыс. до 29 тыс. в 1901 г. число школ выросло с 9 до 16. Затем наметилось падение числа рабочих до 20–22 тыс. и школ до 7–10 в 1904–1907 гг. С 1908 по 1913 г. количество рабочих и число школ более чем удвоилось, а численность учителей и школьников почти утроилась. Это произошло вследствие организации на крупных промыслах больших школ. Распространены школы были на приисках Томского, Алтайского, Енисейского, Витимского и Ленского горных округов, где находились рудники, шахты и прииски с драгами и где сложилось постоянное население.

Подсчеты показывают, что в школы могли попасть немногие из приисковых детей. В конце XIX в. население горных районов Сибири насчитывало примерно 83 тыс. чел., в том числе детей школьного возраста около 8 тыс. В школах учились около 1200 человек, т.е. каждый шестой ребенок, из них на приисках – около 400 детей, или каждый десятый. В 1913 г. на горных промыслах Сибири было 37 школ с 2,7 тыс. учеников, в том числе на приисках 1323 в 17 школах. Детей школьного возраста было на горных промыслах и заводах около 14 тыс. чел., таким образом, учиться в школах мог каждый пятый ребенок, на приисках – каждый шестой. Школ не хватало. Об этом есть сообщения горной инспекции. Так, инженер Витимского горного округа из года в год писал: «Не всем желающим учиться удалось попасть в указанные школы, очень многим за недостатком мест было отказано» [9. Л. 141; 10. Л. 153].

К сожалению, нет информации о том, что преподавалось в приисковых школах, каким было их материальное и методическое обеспечение. Известно лишь, что большинство приисковых школ придерживалось программ начальных школ Министерства просвещения. Описание такой школы в д. Песочная в 1917 г. я обнаружил в фонде Томской уездной земской управы. В ней было 53 ученика, три класса, преподавались Закон Божий, славянское чтение с изложением, правописание, гражданское чтение с изложением, чистописание и арифметика. Основным учебником был «Русский букварь» Вахтерова. Имущество школы состояло из 2 икон, 2 ламп, умывальника, вешалки, 4 венских стульев, 2 столов, самовара, железной печи, штор, шкафа, 25 парт, 2 классных досок, кадки для воды. Располагалась школа в деревянном общественном доме. Из наглядных пособий имелись разрезная азбука, арифметический ящик, портреты царствующих особ, грамматические и арифметические таблицы, таблицы умножения, русских мер, человеческих рас, коллекция сыпучих тел, небольшая библиотека, глобус и карта полушарий Земли, магнит, компас, циферблат и термометр. Этот же набор наглядных пособий сохранялся вплоть до 1950-х гг. во всех начальных деревенских школах, только портрет государя императора сменили портреты вождей мирового пролетариата И.В. Сталина и В.И. Ленина [11].

Известно также, что квалификация персонала и уровень обучения в приисковых школах оставляли желать лучшего. Врач Е.Н. Коренев определил методы обучения как «зубрение самое бессмысленное». Школы, по его наблюдениям, заканчивали единицы учеников и на три четверти это были дети служащих, текучесть которых на приисках была ниже, чем рабочих [12. С. 183]. Приисковое население было обеспечено школами хуже, чем населе-

ние Сибири в целом. В 1915 г. 39 % детей школьного возраста в Сибири и на Дальнем Востоке посещали школы [13. С. 321–322].

Жизнь на приисках была однообразна и скучна. Приисковая интеллигенция (врачи и учителя), чтобы скрасить серую жизнь, пыталась организовать более разумные развлечения, например ставили спектакли. Рабочие с удовольствием их посещали. Е.Н. Коренев писал, что на спектакли ходило до 2/3 всех рабочих, которые были трезвы и «вежливы» [12. С. 44]. Сам Е.Н. Коренев играл в этих спектаклях. Такого рода развлечения были редки: театры существовали на Прокопьевском прииске Бодайбинской компании, Тихоно-Задонском прииске Лензото в конце XIX в. [14. 1895. № 38; 15. 1897. № 1], на Боровинских приисках Асташева в Енисейской тайге [16. С. 27]. Для «разумных развлечений», просвещения на приисках использовались любые просторные помещения, чаще всего – столовые служащих, специально клубы организовывались редко.

Более распространены были чтения с «туманными» или «волшебными фонарями» (видимо, с диапозитивами). Сообщения о них можно обнаружить в местной печати. На Неожиданном прииске Южно-Алтайского золотого дела учительница Прибыткова организовала чтения на тему «Дедушка Крылов», читали ученики школы [15. 1895. № 19. С. 312]. На Тихоно-Задонском прииске Лензото на чтениях присутствовали 150–170 человек, иногда 20–30. Маленький любительский театр показывал рабочим генеральные репетиции, спектакли же ставили служащим. Корреспондент отмечал: «Чтения, спектакли, школы, пока оказывают свое нравственное воздействие на сравнительно небольшую часть приискового рабочего элемента, большинство же продолжает предаваться обычному праздничному времяпрепровождению, т.е. пьянству» [15. 1897. №1. С. 457.]. А. Колычев писал, что на чтения ходят в основном женщины и подростки, у рабочих они большого успеха не имели [2. С. 145].

Большая часть рабочих была неграмотна, но современники отмечали, что запросы приискового населения к самообразованию «прогрессивно возрастают» [17]. Библиотек, доступных рабочим, на горных промыслах за редким исключением не было. Автору удалось зафиксировать библиотеки на Мурожненском прииске в Южно-Енисейском горном округе при школе в 1902 г. – 680 экземпляров книг, 212 экземпляров 43 периодических изданий («Журнал для всех», «Нива», «Енисей») [17]; на Королонских приисках Фризера в Баргузинском округе в 1904 г. – 2 тыс. томов [18. С. 71]; на приисках Федоровского общества на Енисейский приисках в 1913 г. – 1,5 тыс. томов [19. С. 83]. В то же время, по мнению П.П. Румянцева, библиотеки существовали при конторах многих приисков [6].

Малы были шансы взрослых рабочих научиться грамоте. Воскресные школы и школы грамотности также были немногочисленны, и учащихся грамоте рабочих насчитывались единицы. Так, в воскресной школе Тихоно-Задонского прииска в 1896 г. учился 1 человек [15. 1896. № 10. С. 217]. В Томском горном округе в 1899 г. было 7 школ грамотности, где преподавали жены служащих [2. С. 136].

Новшества культурной жизни с трудом, но проявлялись на золотых приисках. Кроме чтений с туманными фонарями, стали появляться кинематографические аппараты. В 1913 г. кинотеатр был открыт на Елизаветинском при-

иске Федоровского общества в Енисейской тайге, его обычно посещали до 200 зрителей [19. С. 83]. На Саралинских рудниках Золоторосса в Канско-Ачинском горном округе в 1913 г. было образовано Общество полезных и разумных развлечений, оно имело кинематограф, мобильный театр на 150 мест. Рабочие охотно посещали их, несмотря на сравнительно высокую плату [20. Д. 341. Л. 442; Д. 503., Л. 111].

В 1912 г. окружной инженер Восточно-Забайкальского округа констатировал, что разумных развлечений для рабочих нет. [21. Л. 36]. То же зафиксировало правление Ивмарзоло в Мариинской тайге [22. Л. 62]. Рабочие 2-й дистанции Лензото в 1905 г., требуя сокращения рабочего дня, одновременно писали о «полном отсутствии духовной жизни» [23. С. 222]. В корреспонденции из Витимского округа отмечалось, что деятельность единственного на горных промыслах края Народного дома «ничтожна» [24. 1913. № 115. С. 346]. Некто, подписавшийся Таежник, в статье «Алкоголь в Тайге» писал в 1904 г.: «Трудно, кажется, найти другое такое место, где бы жизнь была так бесцветна, бессмысленна и так мертвенно-однообразна, как в нашей русской золотопромышленной тайге» [24. 1904. № 21. С. 303]. Через 10 лет в 1915 г. журнал «Золото и платина» констатировал то же самое: «Положение рабочих и служащих на золотых промыслах, расположенных обыкновенно очень далеко от населенных мест, зачастую в глубокой тайге, как известно, весьма неблагоприятно. Малоудовлетворительные жилищные условия, отсутствие школ, библиотек, каких бы то ни было разумных развлечений делают настоящую жизнь на приисках очень неприглядной, особенно для людей семейных» [19. С. 83].

В целом же, за редким исключением, досуг рабочих на приисках ничем не был заполнен. Библиотеки, чтения с туманными фонарями, кино были доступны только на крупнейших горных предприятиях. Большая масса рабочих не имела возможности читать книги или иным способом расширять свой культурный кругозор. Их уделом оставались деревенские «развлечения» — лазание на шест, катание с горки, вино, карты, драки.

Предприниматели проявляли крайнюю бережливость, когда речь заходила о затратах на строительство школ, приобретение книг. Так, А. Колычев в своей книге упоминает, что съезды золотопромышленников в Томской горной области выделяли в конце XIX в. не более 100 руб. на приобретение книг для рабочих, т.е. меньше рубля в год на прииск [2. С. 145–148].

Таким образом, можно сделать вывод, что приисковое население плохо обеспечивалось школами даже по сравнению с сибирской деревней, хотя и было более культурно развито. Несмотря на то, что в период с 1895 до 1916 г. число школ на золотых приисках увеличилось с 10 до 17% (см. таблицу), оно все равно было почти вдвое ниже деревенского уровня. Рост числа школ обусловили механизация приисков, разработка новых рудников и шахт, что делало более продолжительным существование предприятий по добыче золота, стабилизировало население и расширило возможности для бытового благоу-

тройства. Качество обучения в приисковых школах было невысоким, поэтому служащие старались посылать детей в городские школы и гимназии.

Вместе с тем следует признать опыт организации школ на приисках дореволюционной Сибири уникальным явлением, свидетельствующим о стремлении сибиряков даже в экстремальных условиях временных горнопромысловых поселков обеспечить культурные потребности своих семей. Это удавалось не в полной мере, поскольку культурная сфера приисков зависела по большей части от доброй воли золотопромышленников. Последние исходили из своей практической надобности, важнее всего для них было медицинское обслуживание, во вторую очередь – школы, а культурные развлечения были предоставлены самодеятельности рабочих и служащих.

Литература

1. *Семевский В.И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах : в 2 т. – СПб., 1898. – LXXXIV, 578 с., 914 с.
2. *Кольчев А.А.* Рабочие на приисках Сибири. Томская горная область. – СПб.: Северное эхо, 1904. – VIII, 166 с.
3. *Кольчев А.А.* Вопросы просвещения на приисках Сибири // Русское богатство. – 1909. – № 1. – С. 41–57.
4. *Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период.* – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. – 459 с.
5. *Румянцев П.П.* Культурные мероприятия в жизни служащих золотых приисков Сибири XIX – начала XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. – История. – 2008. – № 3(4). – С. 53–56.
6. *Гач О.Б.* Развитие негосударственного общего образования в Западно-Сибирском учебном округе в конце XIX – начале XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2013. – 26 с.
7. *Зиновьев В.П.* Социокультурные аспекты золотопромышленного освоения Сибири в XIX – начале XX в. // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в. – Иркутск, 2013. – С. 292–304.
8. *Горюхино О.Н.* Очерк развития системы образования на Алтае во второй половине XVIII в. – 60-х гг. XIX в. // История Алтайского края. XVIII–XX вв. – Барнаул, 2005. – С. 84–96.
9. *Государственный архив Иркутской области (ГАИО).* – Ф. 135. – Оп. 1. – Д. 1783.
10. *ГАИО.* – Ф. 135. – Оп. 1. – Д. 1797.
11. *Государственный архив Томской области (ГАТО).* – Ф. Р-2. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 2–47.
12. *Корнев Е.Н.* Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых приисках Витимско-Олекминской системы Якутской области: дис. ... д-ра мед. наук. – СПб., 1903. – 256, 4 с.
13. *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. – 400 с.
14. *Восточное обозрение.* 1895–1899.
15. *Вестник золотопромышленности.* 1895–1897.
16. *Промышленность и здоровье.* – СПб., 1903. – Кн. 4.
17. *Сибирская жизнь.* – 1902. – № 277.
18. *Фризер Я.Д.* Статистико-экономический очерк Королонских золотых приисков Баргузинского округа Забайкальской области. – СПб., 1906. – 129 с.
19. *Золото и платина.* – 1915. – № 5–6. – С. 83.
20. *ГАТО.* – Ф. 433. – Оп. 1.
21. *ГАИО.* – Ф. 135. – Оп. 1. – Д. 433.
22. *Российский государственный исторический архив (РГИА).* – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 120.
23. *Ленские прииски: сб. док.* – М., 1937. – 566 с.
24. *Горные и золотопромышленные известия.* – 1913. – № 115.

Статья поступила 7 ноября 2013 г.

Zinoviev Vasilii P. Tomsk State University (Tomsk, Russia)

SCHOOLS AT SIBERIAN GOLDMINES IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Key words: Siberia, gold-mining, schools.

The history of gold-mining in Siberia has been studied in a number of academic publications, but one aspect of life at goldmines – the development of schools for the population of gold-mining areas – has remained almost unexplored. The objective of the paper is to accumulate and systematize the available information about schools at Siberian goldmines in the 19th – early 20th centuries and to define their role in the social and cultural development of the region. The analysis of schooling for children and adults at Siberian goldmines is possible only on the basis of reports on mining industry. The information about schools for children was included into reports of mining inspection, in particular of district mining engineers and heads of Tomsk and Irkutsk mining areas. These reports informed about the numbers of teachers, pupils and graduates. Most of the reports are stored in the state archives of Tomsk and Irkutsk regions and in the collections of the Mining Department of the Russian State Historical Archive. Reports for 1892–1912 were published in the journals “Almanac of Goldmining and Mining”, “News of Mining and Gold-Mining”, “Gold and Platinum” as well as in separate publications. Much information about schools at goldmines is provided by the Siberian pre-revolutionary newspapers where news of the life at goldmines often appeared. The article relies on comparative-historical and statistical methods.

The author argues that despite some manifestations of higher culture, workers at goldmines devoted their leisure time to traditional entertainments, such as card games and alcohol. Libraries, readings with lampscopes, cinemas existed only at the largest mining enterprises. Most of workers had no opportunities to learn reading and writing, to read books or expand their cultural horizons otherwise. Even in comparison with Siberian countryside, people at goldmines were less provided with schooling, although they were more culturally advanced. They lagged far behind Siberian city-dwellers in their opportunities to provide schooling for children and to satisfy their cultural needs. As gold-mining was mechanized and the development of goldmines progressed, goldmines' operation period increased, their population stabilized and greater opportunities for bringing improvements to everyday life emerged. The rate of children provided with schooling at goldmines increased from 10 to 17 % (see Table 1). It was almost two times lower than the rate of schooling in the countryside. White-collar workers tried to send their children to city schools. As the cultural life at goldmines depended on whims of goldmine owners, the latter were oriented toward their own practical needs; for them, medical care was the most important, schools were in the second place and the sphere of leisure was largely the domain of employees' initiative and activities. Moving further into the taiga, gold-mining established permanent and temporary settlements which required the opening of schools and cultural institutions. Often involuntarily, entrepreneurs promoted the industrial way of life and self-conscience and the cultural development of the Siberian space.

References

1. *Semevskii V.I.* Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh : v 2 t. – SPb., 1898. – LXXXIV, 578 c., 914 c.
2. *Kolychev A.A.* Rabochie na priiskakh Sibiri. Tomskaia gornaia oblast'. – SPb.: Severnoe ekho, 1904. – VIII, 166 c.
3. *Kolychev A.A.* Voprosy prosvshcheniia na priiskakh Sibiri // Russkoe bogatstvo. – 1909. – № 1. – S. 41–57.
4. *Rabochii klass Sibiri v dooktiabr'skii period.* – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1982. – 459 s.
5. *Rumiantsev P.P.* Kul'turnye meropriiatii v zhizni sluzhashchikh zolotykh priiskov Sibiri XIX – nachala XX v. // Vestn. Tom. gos. un-ta. – Istorii. – 2008. – № 3(4). – S. 53–56.
6. *Gach O.B.* Razvitie negosudarstvennogo obshchego obrazovaniia v Zapadno-Sibirskom ucheb-nom okruge v kontse XIX – nachale XX vekov: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Tomsk, 2013. – 26 s.
7. *Zinov'ev V.P.* Sotsiokul'turnye aspekty zolotopromyshlennogo osvoeniia Sibiri v XIX – nachale XX v. // Sibir' v imperii – imperiia v Sibiri: imperskie protsessy na okrainakh Rossii v XVII – nachale XX v. – Irkutsk, 2013. – S. 292–304.
8. *Gordienko O.N.* Oчерk razvitiia sistemy obrazovaniia na Altae vo vtoroi polovine XVIII v. – 60-kh gg. XIX v. // Istoriiia Altaiskogo kraia. XVIII–XX vv. – Barnaul, 2005. – S. 84–96.
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti (GAIO).* – F. 135. – Op. 1. – D. 1783.
10. *GAIO.* – F. 135. – Op. 1. – D. 1797.

11. *Gosudarstvennyi* arkhiv Tomskoi oblasti (GATO). – F. R-2. – Op. 1. – D. 18. – L. 2–47.
12. *Korenev E.N.* Oчерk sanitarno-ekonomicheskogo polozenia rabochikh na zolotykh priiskakh Vitimsko-Olekminskoi sistemy Iakutskoi oblasti: dis. ... d-ra med. nauk. – SPb., 1903. – 256, 4 s.
13. *Krest'ianstvo* Sibiri v epokhu kapitalizma. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1983. – 400 s.
14. *Vostochnoe obozrenie*. 1895–1899.
15. *Vestnik zolotopromyshlennosti*. 1895–1897.
16. *Promyshlennost' i zdorov'e*. – SPb., 1903. – Kn. 4.
17. *Sibirskaiia zhizn'*. – 1902. – № 277.
18. *Frizer Ia.D.* Statistiko-ekonomicheskii oчерk Korolonskikh zolotykh priiskov Barguzinskogo okruga Zabaikal'skoi oblasti. – SPb., 1906. – 129 s.
19. *Zoloto i platina*. – 1915. – № 5–6. – S. 83.
20. *GATO*. – F. 433. – Op. 1.
21. *GAIO*. – F. 135. – Op. 1. – D. 433.
22. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* (RGIA). – F. 69. – Op. 1. – D. 120.
23. *Lenskie priiski*: sb. dok. – M., 1937. – 566 s.
24. *Gornye i zolotopromyshlennye izvestiia*. – 1913. – № 115.

НАУКА И УЧЕНЫЕ

УДК 001.2 (571.14)

С.А. Красильников

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР: ОТ РАЗРАБОТКИ РЕШЕНИЯ К ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ (МАРТ 1943 – ЯНВАРЬ 1944 г.)

В статье анализируется механизм разработки, принятия и начального этапа реализации решения о создании в годы Великой Отечественной войны Западно-Сибирского филиала АН СССР. Исследуются взаимодействие двух групп (вузовских и академических) ученых, их тактики, конфликты интересов и способы согласования на разных стадиях организации первого академического комплекса в Сибири.

Ключевые слова: Отечественная война, академическая наука, вузовский научный потенциал, проекты регионального научного филиала, корпоративные интересы.

Постановка проблемы. 21 октября 1943 г. СНК СССР принял постановление № 1149, положившее начало организации Западно-Сибирского филиала АН СССР (ЗСФ АН) – первого крупного комплекса академических научных учреждений за Уралом. Данное решение открыло путь для реализации стратегии наращивания потенциала Академии наук в восточных регионах страны: в конце 1940-х гг. последовательно создаются два других филиала – Восточно-Сибирский и Якутский. К середине 1950-х гг. группа институтов сибирских филиалов АН СССР представляла достаточно весомый сегмент периферийного академического научного потенциала (около 9 % от общей численности академических НИИ). Удельный вес научных сотрудников восточных филиалов (от Уральского до Дальневосточного) в составе ученых АН СССР был несколько ниже, но также немалым (более 7 %) [1. С. 156].

Процесс создания первого академического филиала в Сибири получил объективное освещение в историко-научной литературе. Данная тема исследуется историками начиная с 1960-х гг.: с пролога (разработка первых проектов создания филиала в начале 1930-х гг.) и до ее реализации вплоть до вхождения ЗСФ АН в состав Сибирского отделения АН СССР в 1958 г. [2–6]. Примечательно, что в реконструкции предпосылок, условий, обстоятельств и результатов организации ЗСФ АН в 1943–1944 гг. исследователи в целом не противоречат друг другу, лишь дополняя картину отдельными деталями фактического содержания. Вместе с тем можно говорить об определенных приоритетах и вкладе отдельных исследователей в разработку указанной проблематики. Так, наиболее полная картина проектов создания филиала в 1930-е гг. принадлежит Е.Т. Артемову. Т.Н. Осташко детально описала предложения и проектировки различных корпоративных групп ученых и отстаивание этих разработок перед партийно-государственными структурами накануне и в период организации филиала (1943 – начало 1944 г.).

Схематично механизм подготовки и организации ЗСФ АН излагается в работах историков следующим образом. Несмотря на ряд попыток академического руководства создать в 1930-е гг. стационарную сеть своих учреждений, все они блокировались отсутствием у АН СССР необходимых для этого ресурсов (кадровых, финансовых, материально-технических и др.). И только военная эпоха перевела решение данной проблемы в практическую плоскость, когда совпало действие ряда благоприятных условий и факторов объективного и субъективного порядка, в том числе интересы и возможности управленческих групп (центральной и региональной элиты), руководства АН СССР и представителей научной корпорации (вузовской, отраслевой, академической). Широкая и активная дискуссия в научных кругах о структуре и направлениях деятельности институтов филиала носила позитивный характер, что позволило иметь на «выходе» достаточно взвешенные и оптимальные решения о составе руководящих органов филиала и институтов, о научных направлениях и структуре институтов, их дислокации и т. д. Модель обсуждения и принятия решения, реализованная в случае с ЗСФ АН, может быть рассмотрена в парадигме эффективного сочетания инициативных и директивных принципов в науке. Настоящая публикация нацелена на то, чтобы на примере ЗСФ АН показать действие механизма принятия и начального этапа реализации крупного регионального научно-организационного проекта 1940-х гг.

Источники и методы. Источниковую основу составляют отложившиеся в Архиве РАН частично введенные в научный оборот документы комиссии по филиалам и базам АН СССР (Ф. 188. Оп. 3. Д. 147) и документы личного происхождения (дневниковые записи, заметки, тексты публичных выступлений), принадлежавшие одному из активных организаторов филиала, академику-горняку Л.Д. Шевякову (Ф. 1501. Оп. 2. Д. 32). При анализе изучаемой ситуации автор, кроме традиционных исторических методов, руководствовался структурным методом. Он исходил из того, что в механизме принятия и исполнения институционально оформленных решений важно выявить наличие акторов (личностей или групп), инициировавших то или иное действие; заинтересованных в решении проблемы/задачи структур; устоявшихся принципов взаимодействия и согласования интересов различных корпоративных групп; центра принятия решений и возможности влияния на него; программы реализации принятого решения.

Результаты исследования. Создание Западно-Сибирского филиала РАН, санкционированное государством, в целом укладывается в вышеуказанную схему. Акторы, инициировавшие проект ЗСФ АН, представлены как группой вузовских работников Томска, предложивших данную идею в конце 1930-х гг., так и группой ведущих академических ученых. Состав томских профессоров, заинтересованных в реализации проекта, на протяжении ряда лет претерпевал изменения. Так, если в предвоенный период лидером/координатором среди томичей выступал проф. В.Д. Кузнецов, то в военные годы инициативные документы, связанные с филиалом, подписывались, если исходить из должностной иерархии, руководителем Томского индустриального института К.Н. Шмаргуновым и председателем Томского комитета ученых Б.П. Токиным (все трое являлись кандидатурами на должности заместителей председа-

теля будущего филиала). В то же время обе группы лоббирования (вузовская и академическая) искали союзников в «родственных» корпорациях. Начиная с весны (марта) 1943 г. обе инициативные группы проявляли активность в продвижении своего проекта через институциональные структуры (партийно-государственные и научные органы) с опорой на корпоративные организации, созданные в военное время (Томский комитет ученых и Комиссия АН по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны, более известная как Комиссия Комарова, поскольку ее возглавлял тогдашний президент АН СССР акад. В.Л. Комаров). Вузовская группа рассматривала в качестве лидеров, руководителей филиала таких известных ученых, как академики И.П. Бардин, В.А. Обручев, в то же время академики А.А. Скочинский и Л.Д. Шевяков обсуждали контуры филиала и его конкретное наполнение с томскими профессорами Н.А. Чинакалом, Д.А. Стрельниковым и др., с которыми работали в рамках деятельности Комиссии по мобилизации ресурсов восточных регионов.

В дневнике Л.Д. Шевякова есть примечательные свидетельства о состоявшихся в ходе поездки в Кузбасс в марте 1943 г. обсуждениях идеи создания филиала АН в регионе: «Воспользовавшись пребыванием в Прокопьевске томских профессоров-горняков Н.А. Чинакала и Д.А. Стрельникова, – мы вместе с А.А. Скочинским обсудили с ними вопрос о желательности и возможных формах организации Сибирского филиала АН СССР <...> 22 марта акад. А.А. Скочинский, я и В.М. Гальперин посетили председателя Новосибирского облисполкома т. Гришина и кратко рассказали ему о работах Академии наук в Сибири. Затем мы поставили вопрос об учреждении Сибирского филиала Академии, который по существу должен обслуживать все (или некоторые) сибирские области. Главная задача филиала – изучение производительных сил Сибири и координация научных сил. Тов. Гришин отнесся к нашим соображениям весьма сочувственно» [7. С. 168].

Это не единственное инициативное действие, обсуждавшееся в тот момент в академических кругах. Так, 20 апреля 1943 г. в Свердловске на заседании бюро комиссии под председательством акад. И.П. Бардина было принято решение о продолжении работ Академии наук в Западной Сибири: «Работу по Западной Сибири считать необходимым проводить на основе организации базы Академии наук в одном из промышленных центров Западной Сибири (Сталинск или Кемерово). Просить Президиум Академии наук возбудить перед СНК СССР ходатайство об организации в составе Академии наук базы по Западной Сибири» [8. Л. 12].

Данное предложение следует рассматривать и оценивать двояко: в контексте активно развернувшихся с весны 1943 г. поисков путей и форм создания филиала АН в Западной Сибири, с одной стороны, и унаследованного от 1930-х гг. опыта обсуждения этого проекта – с другой. В частности, речь идет о заседании Президиума АН СССР от 15 февраля 1936 г., на котором с докладом «О создании в Западно-Сибирском крае филиала Академии наук» выступил акад. И.П. Бардин. Он предложил, используя благоприятную организационную ситуацию в связи с созданием в структуре АН нового Отделения технических наук (ОТЕН), создать в регионе академическую структуру в Сталинске (Новокузнецке) на основе сибирских подразделений институтов

Наркомтяжпрома (Механобра, геолого-разведочного и металлов). Участвовавшие в обсуждении академики В.Л. Комаров, Г.М. Кржижановский, Э.В. Брицке, Н.П. Горбунов отнеслись к предложениям Бардина достаточно скептически. При этом выступавшие видели в плане Бардина рациональное зерно в том, что создание филиала в крупном угольно-металлургическом центре на востоке может способствовать усилению стратегических позиций Академии в иерархии государственных органов. Но при этом из тактических соображений академики предложили «занизить» ранг академической структуры до статуса «технической базы Академии наук» [Там же. Л. 1–5]. Усилия Бардина в тот период не пошли дальше проекта, но очевидно, что уже в новых военных условиях подтолкнули его к тому, чтобы вернуться к отвергнутому в 1936 г. предложению и даже получить одобрение идеи «базы» от имени Комиссии Комарова. И хотя реальный ход и динамика обсуждения вопроса о филиале в Западной Сибири определялись уже не в Свердловске, а в Новосибирске и, далее, в Москве, важно отметить, что позитивные импульсы к его реализации исходили из Комиссии, от ее руководителей.

В марте 1943 г. (к сожалению, точную дату историкам установить не удалось) томская инициативная группа подготовила весьма развернутую докладную записку с предложениями о структуре будущего филиала, направлениях работы институтов и возможном кадровом наполнении руководства филиала и отдельных его научных подразделений. Подготовленные материалы прилагались к письму Новосибирского обкома партии и облисполкома, адресованному в Президиум АН СССР. Подробный квалифицированный анализ данного документа дан в работе Т.Н. Осташко [5. С. 133–135]. В частности, ею отмечалось, что предлагаемый томичами через Новосибирск* проект будущего филиала «во многом соответствовал «вузовскому» варианту предвоенных лет, поскольку предусматривал преимущественное использование материальной и кадровой базы западносибирских вузов, ТГУ и ТИИ в первую очередь» [5. С. 133–134]. Планировалось открытие в филиале геолого-географического, физико-технического, медико-биологического, химико-горнометаллургического, механико-машиностроительного, транспортно-энергетического институтов, а также экономического бюро [9. Л. 90].

В данном письме содержались (в качестве варианта для рассмотрения) предложения о месте дислокации руководства филиала и его институтов, а также предлагались кандидатуры руководителей филиала. В частности, отмечалось, что центром размещения филиала должен стать Новосибирск, но при этом допускалось, что «временно, благодаря обстоятельствам военного периода, удобнее будет разместить Западно-Сибирский филиал Академии наук в г. Томске. В дальнейшем, по мере освобождения помещений в гор. Новосибирске и организации новых институтов, Президиум Западно-Сибирского филиала Академии наук, естественно, должен будет переместиться в гор. Новосибирск...» [9. Л. 91]. Весьма «дипломатично» в письме затрагивался вопрос о руководстве будущего филиала: «Полагая, что руководство Прези-

* Томский регион до середины 1944 г. входил в состав Новосибирской области, что заставляло томских ученых соблюдать бюрократические процедуры подачи проектировок в Центр через передаточное новосибирское звено.

диума Западно-Сибирского филиала Академии наук будет поручено члену Академии наук СССР, Новосибирский облисполком и обком ВКП(б) высказывают пожелание, чтобы в его состав вошли академики В.Л. Комаров, В.А. Обручев, И.П. Бардин, тесно связанные своими трудами с Сибирью» [9. Л. 92].

Принципиально важно отметить, что достаточно детальная разработка проекта филиала (материалы излагались на 30 страницах, приложенных к письму) оказалась положенной в дальнейшем в основу его конструкции (в правительственном постановлении от 21 октября 1943 г. говорилось о четырех институтах – горно-геологическом, медико-биологическом, транспортно-энергетическом и химико-металлургическом). Следовательно, данный документ томской группы можно считать опорным, который в дальнейшем (апрель – октябрь 1943 г.) обсуждался и совершенствовался. Нельзя не увидеть и определенной трансформации в составе институтов, поскольку не был принят важный для замысла томичей физико-технический «узел» в виде физико-технического и механико-машиностроительного институтов. Предложенный томскими учеными вариант состава руководства филиала и его институтов также при воплощении идеи филиала в жизнь оказался реализованным только в небольшой части. Так, предполагалось, что филиал возглавит акад. И.П. Бардин, его заместителями станут томские ученые профессора Б.П. Токин (первый заместитель) и В.Д. Кузнецов (второй заместитель). Директорский корпус должны были составить томские ученые профессора Н.А. Чинакал, И.Н. Бутаков, М.К. Коровин, В.Д. Кузнецов (для ряда создаваемых институтов кандидатуры руководителей на тот момент еще не были намечены). Реальный ход событий показал, что «томский вариант» не состоялся в части определения руководящих лиц филиала (изначально была под сомнением вероятность руководства новым филиалом И.П. Бардиным, поскольку тот с 1937 г. уже возглавлял успешно действовавший Уральский филиал АН СССР), но частично реализовался при формировании директорского корпуса (три из четырех институтов филиала возглавили томские профессора – Н.А. Чинакал, И.Н. Бутаков и В.В. Ревердатто).

В конкурентной борьбе, развернувшейся вокруг организации филиала (его местоположение и руководящий состав), томская группа стремилась использовать для укрепления своих позиций и такой ресурс, как участие в объявленных довыборах в члены Академии, назначенных на сентябрь 1943 г. С этой целью 23 апреля 1943 г. Томский горком партии направил в правительство и ЦК партии ходатайство о выдвижении на объявленные вакансии десяти ученых из Томска: восьми профессоров томских вузов (геологи М.К. Коровин, В.А. Хахлов и Ф.Н. Шахов, физики В.Д. Кузнецов и В.М. Кудрявцева, ботаник В.В. Ревердатто, биолог Б.П. Токин, теплотехник И.Н. Бутаков) и двух известных ученых (гистолог А.А. Заварзин и транспортник С.П. Сыромятников), работавших на тот момент в эвакуированных в Томск институтах [10. Л. 105–106]. Однако итоги выборов в члены АН СССР, состоявшихся 27 сентября 1943 г., не принесли инициативной томской группе ожидаемых результатов. Избранными действительными членами Академии оказались именно эвакуированные ученые Заварзин и Сыромятников, вскоре вернувшиеся в Ленинград и Москву. Что же касается перечисленных

выше томских ученых, то двое из них были избраны членами АН СССР, но уже в послевоенный период (физик В.Д. Кузнецов стал членом-корреспондентом в 1946 г. и действительным членом в 1958 г., геолог Ф.Н. Шахов избран членом-корреспондентом в 1958 г.).

С мая по сентябрь 1943 г. в СНК СССР и ЦК ВКП(б) новосибирскими и томскими партийно-государственными органами был направлен ряд обращений с целью повлиять на принятие решения, причем уже не столько о создании филиала, сколько о местоположении руководства филиала и конкретизации сети его подразделений с возможным размещением в различных городах региона. В частности, в мае Новосибирские обком партии и облисполком направили в СНК СССР ходатайство, в котором доказывали «полную возможность» организации филиала в Новосибирске. В противовес этому 9 июня 1943 г. последовало обращение бюро Томского горкома партии в Новосибирский обком с обоснованием целесообразности расположения руководства филиала и его институтов в Томске. В обращении содержались предложения о включении в состав филиала четырех институтов – физико-технического, геологического, биологического и химико-технологического. Руководство филиалом предлагалось возложить на академиков В.Л. Комарова или В.А. Обручева, а на посты их заместителей предлагались томские профессора В.Д. Кузнецов, Б.П. Токин и К.Н. Шмаргунов [10. Л. 114–115].

Однако ощущая, что инициатива в решении вопроса о дислокации филиала переходит от Томска к Новосибирску, группа томских ученых (безусловно, не без консультации с томским партийным руководством) решила на прямое обращение, минуя новосибирские инстанции, в отдел науки ЦК ВКП(б). В письме, поступившем в Москву 23 сентября 1943 г., когда обсуждение вопроса о составе филиала и его местоположении вступило в решающую фазу и согласование происходило в верхних эшелонах, томские ученые, представлявшие руководство Томского индустриального института во главе с его директором проф. К.Н. Шмаргуновым, сделало, вероятно, последнюю попытку повлиять на решение вопроса через ЦК ВКП(б). Томичи настаивали на том, что резиденцией филиала должен стать именно Томск. Полагая возможным усилить свои аргументы, вузовские ученые писали о необходимости создания Сибирского филиала Академии наук (СФ АН) с охватом институтами всего региона. Кроме того, томичи считали важным аргументом практическую их предложения, поскольку в своем большинстве структурные подразделения институтов (группы) предусматривалось создать на основе уже действовавших в ТИИ и ТГУ кафедр и лабораторий. Конструкция филиала представлялась в виде двух отделений / институтов – геологического и технического. Центры отделений должны были базироваться в Томске, тогда как группы, по мысли инициаторов, могли располагаться во всех основных городах – центрах Сибири, включая Красноярск и Иркутск. Предложения томичей носили весьма дискриминационный характер по отношению к Новосибирску, где предусматривалось размещение только одной группы – региональной геологии. О спешке, с которой отправлялся данный документ, свидетельствует наличие в письме непозволительных для такого рода обращений рукописных вставок и исправленных ошибок, а также отсутствие автографов ряда ученых при указании в машинописном тексте их фамилий [9. Л. 87–88].

О том, какое значение придавал письму отдел науки ЦК, можно судить из сопроводительного письма зав. отделом Суворова от 25 сентября 1943 г. академику-секретарю Президиума АН СССР Н.Г. Бруевичу: «Пересылаю на Ваше рассмотрение письмо коллектива профессоров Томского индустриального института с некоторыми соображениями по вопросу об организации Сибирского филиала Академии наук СССР. Ваш ответ направьте непосредственно авторам письма» [9. Л. 86]. Это означало, что центр принятия решения о филиале находился в Президиуме АН СССР, и определение основных вопросов о новом филиале зависело от его руководства.

Свидетельств о внутренних обсуждениях данных вопросов в академических верхах сохранилось ничтожно мало. Самым авторитетным источником остаются воспоминания Г.В. Малкина, в описываемый период являвшегося заместителем председателя Новосибирского облплана, фактически занимавшегося организацией региональной науки еще с 1930-х гг. В кругах и вузовских, и академических ученых Г.В. Малкин пользовался авторитетом, к тому же выступал связующим звеном между учеными и региональной управленческой номенклатурой. В последующем это обстоятельство сыграло ключевую роль в том, что именно Г.В. Малкин был назначен первым ученым секретарем ЗСФ АН, проработав в этой должности первые пять трудных лет организации филиала. Он же возглавил составленную из томских и новосибирских ученых делегацию на очередную сессию АН СССР в 20-х числах сентября 1943 г., чтобы обсудить в Москве в партийно-государственных и научных кругах «филиальские вопросы». По свидетельству Малкина, «при первом докладе в Президиуме Академии о создании Западно-Сибирского филиала Академии наук, когда возник вопрос о месте размещения этого научного учреждения, президент Академии наук академик В.Л. Комаров твердо и категорично сказал мне: “Новосибирск и нигде больше”». Г.В. Малкин отметил, что вопрос о руководителе филиала решался не столь однозначно. Кандидатом, имевшим для этого наибольшие основания – как крупнейший специалист в области изучения Сибири, рассматривался акад. В.А. Обручев [3. С. 260].

Однако в силу ряда причин (прежде всего возраста и состояния здоровья – В.А. Обручеву на этот момент исполнилось 80 лет) руководителем комиссии АН СССР по организации филиала был назначен академик-горняк А.А. Скочинский, и это фактически предрешало вопрос о руководителе нового филиала. Для такого решения имелись все основания, прежде всего, активная деятельность его как одного из руководителей Комиссии Комарова, постоянно работавшего в военный период над подъемом промышленности Западной Сибири. Другим важным аргументом в пользу такого решения была и активность группы академиков-горняков А.А. Скочинского и Л.Д. Шевякова, так же, как и томичи, обсуждавших с весны 1943 г. вопрос о филиале с новосибирским партийно-советским руководством. Потенциал сложившейся группы горняков существенно усиливался тем, что к разработке планов развития филиала подключился представитель томской профессуры горняк Н.А. Чинакал, которого связывали с А.А. Скочинским и Л.Д. Шевяковым многолетнее профессиональное сотрудничество и личный дружеские отношения. Таким образом, на момент перевода директивного решения о создании филиала в практическую плоскость центр дальнейшей реализации был

представлен академиками-горняками, установившими взаимодействие с рядом известных региональных вузовских ученых.

Воспроизведем некоторую канву организационно-управленческих действий в условиях, когда инициатива в определении руководства филиала и директорского корпуса институтов перешла в руки академических ученых. Вслед за постановлением СНК СССР от 21 октября 1943 г. об организации ЗСФ АН, 25 октября распоряжением Президиума АН для последующих работ была создана комиссия под председательством акад. А.А. Скочинского, куда вошли, помимо Л.Д. Шевякова, такие крупные ученые, как академики геолог С.С. Смирнов и транспортник В.Н. Образцов, член-корреспондент АН ботаник Б.К. Шишкин и доктор химических наук О.Е. Звягинцев. Секретарем комиссии стал секретарь комиссии по филиалам и базам АН СССР Б.Н. Митрейкин. Поскольку дальнейшие шаги требовали участия в составе комиссии представительства от ученых и руководителей региона, то по предложению новосибирских органов в нее вошли профессора Н.А. Чинакал, И.Н. Бутаков (Томск), Г.В. Малкин (Новосибирск), а также ряд работников партийно-советских структур.

Еще до запланированного на конец ноября приезда академической части комиссии в Новосибирск состоялось окончательное согласование кандидатуры руководителя филиала между Президиумом АН и Новосибирским обкомом партии. Предложенную Москвой кандидатуру А.А. Скочинского 15 ноября 1943 г. телеграммой поддержал первый секретарь обкома М.В. Кулагин [9. Л. 44–46].

С конца октября и до конца декабря 1943 г. шла очень интенсивная разработка направлений развития отдельных институтов ЗСФ АН, равно как и принципов работы руководящих органов филиала и их персонального состава. Так, входивший в состав организационной комиссии акад. В.Н. Образцов представил в конце октября краткую записку со своими соображениями. Он считал возможным назначить руководителем нового филиала акад. Г.П. Передерия, также специалиста в области развития транспорта, находившегося в период войны в эвакуации в Новосибирске. Определенная уязвимость данного предложения состояла в том, что в планы Передерия входило возвращение в Ленинград, а не работа в Сибири. В то же время Образцов вполне прагматично считал, что перспектива развития филиала в немалой степени будет зависеть от того, насколько удастся решить вопрос с «целевыми» вакансиями при выборах в члены АН СССР для ученых из Сибирского региона или желавших переехать туда для работы [9. Л. 54–55].

Среди предложений, поступивших от крупных ученых в связи с перспективами развития ЗСФ АН (а их насчитывалось более десятка), особое место занимает аналитическая записка акад. Г.П. Передерия в адрес комиссии Скочинского, датированная 24 октября 1943 г. В ней известный ученый обосновал своего рода мягкий, компромиссный вариант решения вопроса о размещении руководства ЗСФ АН и его отдельных подразделений. Безоговорочно считая, что центр филиала должен быть в Новосибирске, Передерий писал: «...пока Томск имеет несомненное преимущество в концентрации научных сил. Это преимущество в недалеком будущем исчезнет... Ни в одном из имеющихся городов в настоящее время мы не найдем сосредоточения луч-

ших сил по всем специальностям, назначенным СНК СССР для Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР. Эти силы разбросаны. Томские ученые полагают, что они могут обслужить наилучшим образом все специальности. Но с этим нельзя согласиться. Например, по транспортной специальности нельзя не учесть пребывание управления Томской дороги и управления водных путей в Новосибирске... Принимая во внимание вышеизложенное, можно наметить следующее распределение учреждений Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР: горно-геологический институт – Новосибирск + Томск + Кемерово, химико-металлургический институт – Сталинск + Кемерово, медико-биологический институт – Новосибирск + + Томск, Транспортно-энергетический институт – Новосибирск + Томск.

Это распределение временное. С развитием экономики Западной Сибири и Новосибирска, как центра этой области, большая часть учреждений филиала Академии наук должна будет найти место в Новосибирске» [9. Л. 157–158].

Включившиеся в данное обсуждение активно работавшие в годы войны комитеты ученых Томска и Новосибирска 3 декабря 1943 г. подготовили для комиссии свои предложения, в которых указывали не только конкретные направления деятельности институтов и костяк ученых для работы в них, но и предложения по составу руководителей филиала и его учреждений. Данный вариант можно считать компромиссом между различными группами ученых, ранее более жестко отстаивавшими свои интересы, как это делали, в частности, томичи. Так, состав Президиума ЗСФ АН должны были составить: председатель акад. А.А. Скочинский (Москва), 1-й заместитель акад. Г.П. Передерий, 2-й заместитель проф. А.А. Воробьев (Томск). Горно-геологический институт под руководством проф. В.А. Хахлова предусматривалось разместить в Томске с отделениями в Новосибирске и Кемерово; медико-биологический под руководством проф. Б.П. Токина – также в Томске с отделениями в Новосибирске и Омске; транспортно-энергетический (директор Г.П. Передерий) – в Новосибирске с отделением в Томске; химико-металлургический (директор проф. Ю.В. Грдина) считалось целесообразным разместить в Сталинске с отделением в Томске [9. Л. 136–137]. В этих предложениях прослеживался поиск оптимального варианта выхода из базового противоречия (руководящий центр филиала – в Новосибирске, но основные группы специалистов рассредоточены по четырем городам региона, с преобладанием в Томске). Дальнейшие события скорректировали данные наметки, но не отменили главного принципа формирования и работы институтов – комбинирования научных сил региона путем размещения в Новосибирске главной резиденции филиала и тех отделов институтов филиала, для которых имеются кадры и помещения, не исключая переходного периода и размещения основной части ряда институтов в Томске или Сталинске.

Сам приезд членов комиссии в регион в начале декабря 1943 г. сопровождался рядом трудностей. В работе комиссии не участвовали заболевшие В.Н. Образцов и А.А. Скочинский, а С.С. Смирнов и вовсе находился в Восточной Сибири (Иркутск). В сложившихся условиях, дабы не потерять темп работы, в комиссию по рекомендации Образцова был срочно введен известный транспортник акад. Г.П. Передерий, Смирнова заменил известный геолог проф.

К.Л. Пожарицкий, а фактическим руководителем и координатором деятельности комитета по организации филиала в декабре 1943 г. стал Л.Д. Шевяков. Имея богатый опыт организационной работы в качестве заместителя председателя Уральского филиала АН СССР и директора входившего в его состав горно-геологического института, Шевяков руководил группой по разработке структуры и плана работ горно-геологического института ЗСФ АН, которую составили томские горняки и геологи Н.А. Чинакал, М.К. Коровин, Ф.Н. Шахов и др.

Отмеченное выше обстоятельство позволяет более объективно оценить вклад Л.Д. Шевякова в создание ЗСФ АН на начальной стадии его организации (декабрь 1943 г.), когда из-за болезни А.А. Скочинского на плечи его ближайшего соратника легла значительная по масштабам организационная работа. Особенно интенсивным оказался период пребывания Шевякова в Новосибирске и в Томске (с 8 по 21 декабря 1943 г.), сопровождавшийся многочисленными встречами, переговорами и консультациями, включая пропагандистский аспект создания филиала (радиовыступления, киносьемки). Удалось сделать основное: привлечь и вовлечь в обсуждение основ создания филиала и стратегии его развития практически все научное сообщество в Новосибирске и Томске, включая, помимо местных ученых, преподавателей и сотрудников эвакуированных вузов и НИИ.

Ниже приводится выдержка из конспекта выступления Л.Д. Шевякова на собрании научных работников Новосибирска в связи с организацией Западно-Сибирского филиала АН СССР 10 декабря 1943 г., зафиксировавшего идеи Шевякова о первых и приоритетных шагах по созданию филиала: «Постановл[ение] СНК от 21.X.43 г. 25 окт[ября] с.г. распоряжение по АН. Комиссия. 18 ноября Президиум подтвердил состав акад. Скочинский (председатель) Смирнов С.С.[.] Образцов В.Н.[.] Шевяков Л.Д.[.] чл.[-]корр. Шишкин Б.К.[.] д-р хим. наук Звягинцев О.Е.[.] уч[еный] секр[етарь] Совета фил[иалов] и баз Митрейкин Б.Н.

Приним[али] участие в работе комиссии местные работники акад. Передерий, проф. д-р Чинакал, Бутаков, Ю. Грдина, Токин, т. Логвиненко[.] А. Тит[ович], т. Гришин, т. Мальцев, т. Белоусов, т. Малкин.

Болезнь А.А. Скочинского, зам. пред[седателя] проф. Грдина. Ядро – весь актив сибиряков. Назначение собрания – продвинуть обмен соображениями как материалами для Комиссии.

Порядок работы комиссии. Некоторые соображения.

1. Своевременность и необходимость.
2. География – Зап. Сибирь.
3. Место центра – Новосибирск.
4. 4 ин[ститу]та.
5. Поднять это дело – дело всего коллектива научной общественности Зап. Сибири. Жертвы со стороны ВУЗов и ВТУЗов.
6. Основная задача – изучение и развитие произв[одительных] сил.
7. Более широкие и комплексные проблемы.
8. Координация научных сил – связь с отраслевыми ин[ститу]тами.
9. Профили ин[ститу]тов. Номенклатура н[аучно]-и[сследовательских] и уч[ебных] ин[ститу]тов и место их пребывания – взяв то[.] что есть.
10. Штатные работники и совместители.

Порядок собрания: 1. Общие затронутые выше вопросы. 2. Образование комиссий по отд[ельным] ин[ститу]там.

Исторические задачи – это соображение должно руководить всей работой» [11. Л. 1–5].

Формирование руководящих органов ЗСФ АН происходило в течение декабря 1943 – января 1944 г. Учитывая характер работы Скочинского, продолжавшего возглавлять Институт горного дела АН СССР, эвакуированного из Свердловска в Москву, требовалось подобрать первого заместителя, осуществлявшего текущее руководство филиалом. Первоначально на эту роль планировался (судя по конспекту Шевякова) известный металлург, проф. Ю.В. Грдина, работавший в Новокузнецке. Однако сам Грдина отказался от переезда в Новосибирск. В результате переговоров занять эту должность дал согласие директор Томского индустриального института проф. К.Н. Шмаргунов, вынесший впоследствии на себе основную тяжесть начального этапа становления ЗСФ АН. Вторым заместителем стал химик А.Т. Логвиненко, ранее работавший зам. секретаря Кемеровского обкома партии, курировавший химическую отрасль. Ученым секретарем филиала стал Г.В. Малкин.

Томск дал основной костяк руководящего звена трех из четырех институтов филиала. Профессор Н.А. Чинакал возглавил Горно-геологический институт, проф. И.Н. Бутаков – Транспортно-энергетический, проф. В.В. Ревердатто – Медико-биологический институт. Вопреки утвердившейся в исторической литературе информации директором Химико-металлургического института в первые годы являлся не Ю.В. Грдина, а другой известный металлург, проф. П.Г. Рубин (Новокузнецк). Среди директорского корпуса стационарно работал в Новосибирске в первое пятилетие филиала только Н.А. Чинакал, между Томском и Новосибирском распределял свое служебное время В.В. Ревердатто; И.Н. Бутаков и П.Г. Рубин фактически являлись директорами-совместителями, сохраняя основным местом преподавательскую работу. Такая ситуация приводила к тому, что новосибирскую группу Транспортно-энергетического института возглавлял проф. В.Е. Еврейсков, а аналогичную группу Химико-металлургического института – доцент А.В. Пентегов, оба в ранге заместителей директоров. Более 4/5 сотрудников ЗСФ АН на стадии становления филиала являлись совместителями, продолжая работать в вузах и отраслевых НИИ. На первом этапе (1944–1949 гг.) подобная практика давала положительный эффект. В дальнейшем существование томской и новокузнецкой групп было признано нецелесообразным.

Рассмотренные выше подготовительный и первый организационный периоды создания ЗСФ АН дают весьма важную информацию как о технологии подготовки, принятия и реализации научно-организационной идеи, так и о том, какое значение в данном процессе играли личностные и групповые интересы, несомненно повлиявшие на итоговый результат. Есть достаточно оснований утверждать, что борьба идей и амбиций имела в данном случае позитивное значение для возникновения первого академического научного комплекса в Сибирском регионе. В известной мере скорость и результативность согласования интересов различных групп ученых были обусловлены

обстановкой военного времени, когда научные инициативы и принимавшиеся на их основе директивные решения сочетались оптимальным образом. Очевидно, что в работе по проектированию филиала интеллектуальный вклад томской группы неоспорим, тогда как на решающей стадии организации филиала свою лидерскую функциональную роль сыграли московские ученые – академики А.А. Скочинский и Л.Д. Шевяков. В исторических исследованиях явно недооцененной оказалась роль последнего, а равно и усилия оставшихся в тени таких переговорщиков, как Г.В. Малкин и К.Н. Шмаргунов, сумевших объединить интересы томских, новосибирских и новокузнецких ученых во круг создаваемого филиала.

Литература

1. *Водичев Е.Г.* Наука на востоке СССР в условиях индустриальной парадигмы. – Новосибирск: Аккад. изд-во "Гео": ИНГ СО РАН, 2012. – 348 с.
2. *Дедюшина Н.А.* Из истории организации и деятельности ЗСФ АН СССР // Культурное строительство в Сибири в 1917–1960 гг. – Новосибирск, 1962. – С. 143–153.
3. *Малкин Г.В.* Организация Западно-Сибирского филиала АН СССР // Академия наук и Сибирь. 1917–1957. – Новосибирск, 1977. – С. 255–265.
4. *Артемов Е.Т.* Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири. 1944–1980. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 185 с.
5. *Осташко Т.Н.* Наука и ученые Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002. – 153 с.
6. *Ламин В.А., Куперитох Н.А.* История первого академического центра Западной Сибири (1944–1957 гг.) // Философия науки. – 2004. – № 2. – С. 77–79.
7. *Люди науки на Урале в дни войны.* Дневник академика Л.Д. Шевякова (1941–1943) // Исторический архив. – 1961. – № 3.
8. *Архив Российской академии наук (Архив РАН).* – Ф. 188. – Оп. 1. – Д. 78.
9. *Архив РАН.* – Ф. 188. – Оп. 3. – Д. 147.
10. *Научный архив Сибирского отделения РАН.* – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1335.
11. *Архив РАН.* – Ф. 1501. – Оп. 2. – Д. 31.

Статья поступила 27 ноября 2013 г.

Krasilnikov Sergey A., Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk), Novosibirsk State University (Novosibirsk)

THE ORGANISATION OF THE WEST-SIBERIAN BRANCH OF USSR ACADEMY OF SCIENCES: FROM THE ELABORATION OF THE CONCEPT TO ITS IMPLEMENTATION (MARCH 1943 – JANUARY 1944)

Key words: Great Patriotic War, academic science, research potential of universities, decision making, negotiation mechanisms, concepts of a regional scientific branch, corporate interests.

The paper is devoted to the mechanism of elaboration, decision making and starting phase of implementation of the concept of the West-Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in the years of the Great Patriotic War. The interaction of different groups of scientists from various backgrounds (universities, branch institutes, academic science representatives), their tactics, conflicts of interest, and ways of resolving those during the organisation of the first academic and scientific centre in Siberia are dealt with.

The setting-up of the branch had a ten-year history of its own in the course of which some projects were put forward by the groups of academic scientists of USSR Academy of Sciences (1932, 1936) as well as by university professors (1939–1940). The failure of pre-war initiatives became the result of the Academy of Sciences lacking the potential to actively develop its peripheral network, the departmental barriers being in place between different sectors of science and limited capabilities of scientists to lobby their interests among the top echelons of power. The Great Patriotic War led to the strengthening of prescriptive methods of management removed principal obstacles and thus paved the way for the creation of the branch. The competition during the elaboration of the branch's structure and lines of

activities which manifested itself in the initiatives of groups of academic and university scientists, as well as the necessity to choose the future location of the branch between Novosibirsk and Tomsk required the development of mechanisms for the harmonization of corporate groups interests. Here, regional authorities and senior management of the Academy of Sciences acted as moderators to facilitate interactions. The ultimate decision implemented proved to be an optimal combination of regional potentials of academic, university and branch sectors of science. The priority of accelerated development of industrial and other related sectors of regional economy required intensive scientific support and the setting up of institutes of resource studies within the branch in such fields as mining and geology, chemistry and metallurgy, transport and energy, medicine and biology, with an emphasis put on applied research. The herein presented research identifies the dynamics of activity on the part of actors of the submitted projects when Tomsk scientists (V.D. Kuznetsov, B.P. Tokin and others) initially had the lead and the Tomsk Committee of Scientists established during the War was an institutional platform for the development. In the second half of 1943 the lead in design was taken by a group of mining scientists (A.A. Skochinskiy, L. D. Sheviakov and N.A. Chinakal) and the so called V.L. Komarov Commission (USSR AS Commission on Mobilisation of Resources of the Urals, West Siberia and Kazakhstan for the Needs of Defence) constituted the institutional basis for the work from then on. The top management of the West-Siberian branch included experienced managers from all sectors of science.

References

1. *Vodichev E.G.* Nauka na vostoke SSSR v usloviakh industrial'noi paradigmy. – Novosibirsk: Akad. izd-vo "Geo": INGG SO RAN, 2012. – 348 s.
2. *Dediushina N.A.* Iz istorii organizatsii i deiatel'nosti ZSF AN SSSR // Kul'turnoe stroitel'stvo v Sibiri v 1917–1960 gg. – Novosibirsk, 1962. – S. 143–153.
3. *Malkin G.V.* Organizatsiia Zapadno-Sibirskogo filiala AN SSSR // Akademiia nauk i Sibir'. 1917–1957. – Novosibirsk, 1977. – S. 255–265.
4. *Artemov E.T.* Formirovanie i razvitie seti nauchnykh uchrezhdenii AN SSSR v Sibiri. 1944–1980. – Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1990. – 185 s.
5. *Ostashko T.N.* Nauka i uchenye Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. – Novosibirsk: Izd-vo Novosib. gos. un-ta, 2002. – 153 s.
6. *Lamin V.A., Kupershtokh N.A.* Istoriia pervogo akademicheskogo tsentra Zapadnoi Sibiri (1944–1957 gg.) // Filosofii nauki. – 2004. – № 2. – S. 77–79.
7. *Liudi nauki na Urale v dni voiny. Dnevnik akademika L.D. Sheviakova (1941–1943)* // Istoriicheskii arkhiv. – 1961. – № 3.
8. *Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk (Arkhiv RAN).* – F. 188. – Op. 1. – D. 78.
9. *Arkhiv RAN.* – F. 188. – Op. 3. – D. 147.
10. *Nauchnyi arkhiv Sibirskogo otdeleniia RAN.* – F. 1. – Op. 1. – D. 1335.
11. *Arkhiv RAN.* – F. 1501. – Op. 2. – D. 31.

УДК 930.092

А.И. ДАНИЛОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ПЕРЕПИСКЕ УЧЕНИКОВ

Публикация С.В. Фоменко, комментарии С.Ф. Фоминых

Впервые публикуется переписка профессоров В.Т. Фоменко и Л.Г. Сухотиной, содержащая сведения о выдающемся историке-медиевисте и педагоге, министре просвещения РСФСР, ректоре Томского государственного университета и профессоре Московского государственного университета Александре Ивановиче Данилове, которые сообщают дополнительные штрихи к его портрету и дают почувствовать атмосферу общественной жизни 1950–1960-х гг.

Ключевые слова: историческая наука, Томский университет, А.И. Данилов, В.Т. Фоменко, Л.Г. Сухотина.

Имя профессора Александра Ивановича Данилова (1916–1980) не нуждается в представлении медиевистам и историографам. Яркий учёный и педагог, он оставил неизгладимый след в жизни всех, кому посчастливилось с ним общаться. В числе последних было немало студентов Томского государственного университета, в котором Данилов преподавал в конце 1940 – начале 1950-х гг., а в 1961–1967 гг. являлся ректором. Представленные ниже материалы являются выдержками из воспоминаний и писем Владимира Трофимовича Фоменко (1925–2003), бывшего в 1947–1952 гг. студентом историко-филологического факультета ТГУ. Письма его адресованы Людмиле Григорьевне Сухотиной¹, которая, как и Фоменко, училась на истфаке ТГУ в знаменитой «гвардейской», по определению профессора И.М. Разгона², 135-й группе. Публикуемые материалы дают представление о взаимоотношениях людей, олицетворявших вузовскую и академическую среду тех лет.

Из воспоминаний В.Т. Фоменко.

«12 ноября 1949 г. в газете “Правда” была опубликована статья Председателя Совета Министров Северо-Осетинской АССР А. Газзаева “Грубое извращение исторических фактов”³. В ней речь шла об историке И.М. Разгоне, авторе книг: “Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе (1917–1920 гг.)”, “Борьба партизан против белогвардейцев на Северном Кавказе в 1919–1920 гг.”, ряда статей в Большой Советской Энциклопедии⁴.

Газзаев явно по чьему-то указанию обвинял Разгона в написании “с чуждых марксизму-ленинизму позиций книг и статей”, в “немарксистских взглядах”, которые, дескать, “до сих пор ещё не разоблачены”. По утверждению обвинителя, “важнейшие события из истории борьбы советского народа И. Разгон освещает с объективистских позиций. Он затушёвывает социалистический характер Октябрьской революции, замалчивает руководящую роль большевистской партии в борьбе за установление и упрочение советской власти в СССР”. Израилу Менделевичу приписывалось также отсутствие показа борьбы “партии большевиков, товарища Сталина за осуществление ленинско-сталинской национальной политики на Северном Кавказе”. Обвиняя

И.М. Разгона в том, что тот “стоит на немарксистских, антинаучных позициях”, “представляет в ложном свете историю Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Северном Кавказе”, Газзаев делал вывод: “Необходимо очистить историческую науку от антимарксистского хлама, вроде книжек И. Разгона” (*В общей сложности, не приведя ни одного конкретного факта извращения И.М. Разгоном истории Октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе, А.П. Газзаев упомянул со злобой и ненавистью его имя в статье 23 раза!*).

К сожалению, в советское время, к которому я и сейчас отношусь с огромнейшей симпатией, несмотря на имевшие тогда место “перегибы” и ошибки, мы в своём большинстве были приучены к безоглядной вере средствам массовой информации. Поэтому статья, помещённая в “Правде”, вызвала у меня, члена ВКП(б) и участника войны, как и у многих моих товарищей по факультету, негативное отношение к Израилю Менделевичу. Его ещё более усугубило появление в ряде центральных газет официальной статьи “Космополитизм в исторической науке”, в которой “группа Минца – Разгона”⁵ подверглась уничижительной, но бездоказательной критике.

Не случайно во второй половине ноября 1949 г. мы, студенты историко-филологического факультета ТГУ, настороженно и недовольно встретили сообщение секретаря партбюро факультета доцента Александра Ивановича Данилова о том, что “в Томск движется Разгон”.

Хорошо помню, как к нам, группе курящих студентов, подошёл Данилов и сказал: “Ребята! Получена радостная весть!”. Мы дружно отреагировали: “Какая?” “К нам на факультет выехал из Москвы заведующий кафедрой истории СССР”, – последовал ответ. Мы почти в один голос крикнули: “А кто он?” И услышали от улыбающегося А.И. Данилова: “Доктор наук, профессор, лауреат Сталинской премии I степени Израиль Менделевич Разгон!”⁶

Нисколько не задумываясь над произнесённым парторгом с восторгом сообщением, я откровенно “ляпнул” при всех: “Александр Иванович! Вы хорошо знаете, с каким трудом мне, да и не только мне, удалось демобилизоваться из армии, поступить по конкурсу в университет, чтобы овладеть достоверными историческими знаниями. Выходит, теперь мы будем овладевать знаниями с помощью “космополита” исторической науки?” Моё высказывание поддержали рядом стоящие студенты. Посерьёзневший А.И. Данилов, глядя мне в глаза, сказал: “Я лично знаю Израиля Менделевича более четырёх лет. Разгон приедет к нам через три дня и сразу же приступит к занятиям. Послушаете его лекции, побываете на семинарах, консультациях – тогда сами сделаете необходимые выводы”⁷».

После окончания ТГУ В.Т. Фоменко работал директором школы, заведующим районным отделом народного образования (РОНО), снова директором школы в с. Оконешиново Омской области, а в 1965–1969 гг. являлся заместителем заведующего Омским облоно. В качестве представителя областного отдела народного образования ему то и дело приходилось бывать в Министерстве просвещения РСФСР, которое с 1967 г. возглавил Александр Иванович Данилов, который был парторгом историко-филологического факультета в период учёбы Фоменко в Томском университете.

В.Т. Фоменко – Л.Г. Сухотиной 25 февраля 1968 г.

«Люся, дорогой мой товарищ, здравствуй! На сей раз так виноват перед тобою, что, право, становится стыдно. Возвратился из Москвы ещё 1 февраля, получил письма и от тебя, и от Жени⁸, а отвечаю только сегодня. Текучка повседневных дел «заела»...

Выше я написал, что был в Москве. Вызывали нас на семинар-совещание, но в связи с принятием 12 января 1968 г. Совмином РСФСР постановления «О мерах улучшения работы детских садов» получилось совещание-нагоняй.

Совещание открывал 45-минутной вступительной речью Александр Иванович. Издали (а я сидел от него метрах в восьми) он показался мне уставшим и постаревшим. Я, грешным делом, даже подумал, что, видимо, он болен, тем более что начало речи было неуверенное и невнятное. Однако через несколько минут он вошёл в колею и о положении в детских домах и необходимых мерах говорил так, будто повествовал о Реформации и Крестьянской войне в Германии: обстоятельно, вскрывая причинно-следственные связи, с сарказмом, гневом и юмором. Хотя мы не виделись более двух лет, он узнал меня сразу. И мне кажется, Люся, что, может быть, даже это в некоторой степени повлияло на начало его речи: выступал-то Александр Иванович по новому для него вопросу. (А с другой стороны, он не из тех, кто теряет).

При встрече вечером, в конце рабочего дня... я успокоился, убедившись, что Александр Иванович выглядит неплохо, лишь седина одолевает. (Курит, Люся, он страшно много. И это говорю я, заядлый курильщик. Хотя он и министр, но я не удержался, сделал замечание).

Приятно отметить, что ни занятость, ни положение не повлияли на форму и содержание нашей беседы. Она протекала так же, как на юбилее Израиля Менделевича⁹, с той только разницей, что здесь мы говорили о нашем общем просвещенческом деле, о его состоянии на сегодняшний день, о перспективе.

Вспомнили Томск, многих наших (из группы) и историко-филологического факультета. Научной работой заниматься ему не приходится (по его словам), но я не допускаю мысли, чтобы он всё забросил¹⁰. (Хотя министерские обязанности требуют тебя всего, тем более в настоящее время).

Медиевистика потеряла солидного учёного, а просвещение приобрело трезвого и умного направляющего. Я сужу об этом по двум спорным проблемам: по так называемой процентомании и переводным экзаменам в 5, 6, 7 и 9 классах. Я опасался, что Александра Ивановича могли провести в этих вопросах. Сейчас спокоен, так как он понимает их исключительно правильно.

Несмотря на его некоторую сухость, необщительность (особенно по сравнению с предшественником Е.И. Афанасенко¹¹ и нынешним министром просвещения СССР М.А. Прокофьевым¹²), сотрудники Минпроса РСФСР отзываются об Александре Ивановиче исключительно положительно, и я не допускаю мысли, что это делается в порядке подхалимства перед ним. Особенно ценят трезвый ум, отсутствие увлекательности (этим грешила много лет вся просвещенческая система), аргументированность высказываний... солидный политический кругозор, объективность и независимость суждений, быстроту вхождения в педагогические дела.

Честно скажу, Люся: его хвалят, а я радуюсь за в некоторой степени своего учителя. ...Люблю, когда хорошо отзываются о моих знакомых, товари-

шах, друзьях. Видимо, возраст берёт своё: в юности почему-то основное внимание обращалось на плохое в людях, на их критику. Сейчас же стараешься в первую очередь увидеть положительное в человеке. Может, правы, когда говорят, что плохое увидеть – большого ума не надо».

Весной 1969 г., как это не раз уже случалось в его жизни, В.Т. Фоменко в очередной раз попал в “переплёт”, о котором кратко сообщал друзьям так: «В 1969 г. собирались исключить меня из партии из-за резкого осуждения политики “ликвидации бесперспективных деревень”, отказа завизировать подготовленный проект решения на 1970–1985 гг. Спас меня... Данилов».

Развёрнутая же версия событий выглядела следующим образом: «Заведующий ОблОНО ушёл в отпуск. Поэтому на совместном заседании бюро Обкома КПСС и Облисполкома ОблОНО пришлось представлять мне. Обсуждался подготовленный группой студентов Уральского университета под руководством профессора Когана¹³ “План сокращения бесперспективных деревень Омской области в 1970–1985 гг.”. Я отказался завизировать подготовленный третьекурсниками план, который основывался не на реальном знании положения дел в сельской местности нашей области, а на данных переписи населения области первых послевоенных лет, но с использованием карты административного деления Омской области за 1966 г.¹⁴ На совместном заседании (бюро Обкома КПСС и Облисполкома) я категорически выступил против запланированного сокращения числа сёл и деревень, приводил, казалось бы, убедительные факты, но поддержки не получил. В этот же день на бюро Обкома КПСС был поднят вопрос о моём пребывании в рядах партии»¹⁵.

Член бюро обкома, зампреда облисполкома И.П. Горбачёв немедленно сообщил о произошедшем приехавшему в это время в Омск Разгону. Израиль Менделевич, не мешкая, позвонил министру просвещения РСФСР А.И. Данилову и сообщил ему о нависшей над Фоменко очередной угрозе. Министр поспешил на помощь своему бывшему студенту, а теперь коллеге. Через два дня в Омск пришла телеграмма о том, что В.Т. Фоменко включён в состав делегации работников просвещения, отправляющейся в полумесячную командировку в Венгрию¹⁶.

За две недели отсутствия замзава облоно страсти улеглись. Кроме того, возвращение из Венгрии совпало с присвоением Фоменко звания “Заслуженный учитель школы РСФСР”. И буря его миновала, тем более что 1 июля 1969 г. он был избран освобождённым секретарём парткома пединститута и сменил место работы.

В декабре 1980 г. В.Т. Фоменко и ректор Омского педагогического института, в прошлом тоже студент 135-й «гвардейской» группы, Вениамин Михайлович Самосудов¹⁷ собрались поехать в Томск на торжества по случаю 100-летия ТГУ. Но поездка сорвалась.

В.Т. Фоменко – Л.Г. Сухотиной 20 декабря 1980 г.

«...Самолёты в Омске 10 декабря не принимались – из-за отсутствия горючего (по крайней мере, так нам объяснили)... И как на грех, в этот день не было поезда в Томск, а ехать на перекладных мы не рискнули – с нами было 3 портрета: В.В. Куйбышева – университету¹⁸, И.М. Разгона и З.Я. Бояршиновой¹⁹ – истфаку». Омичи собирались также сделать портрет А.И. Данилова,

но, как писал Фоменко, «увеличенное фото с фотопортрета Александра Ивановича Б.Г. Могильницкий²⁰ так и не организовал, хотя обещал мне по телефону, и мы даже посылали специального гонца в Томск.

Грустным оказался и ноябрь. Известие о смерти Александра Ивановича меня потрясло. Более недели он не выходил из головы ни на минуту (даже во сне). Пытался мобилизовать всю свою волю, отвлечься – ничего не получалось. Я даже испугался этому состоянию. Какое-то наваждение – вспоминалось всё: первая встреча на факультете, его лекции, секретарство, деканство. Отчётливо всплыли те немногочисленные семинары, которые он проводил с нами (в частности, по Хартии вольностей в главном корпусе университета), встреча с ним после длительного перерыва (лет через восемь или девять) на банкете по случаю 60-летия И.М. Разгона. Не узнав меня, А.И. Данилов спросил у Д. Коломина²¹: «С кем это ты целый вечер общаешься? Что-то знакомое лицо». А далее он начал расспрашивать меня про народное образование и школу, что меня сильно поразило (не мог же я знать, что он будет министром).

После его назначения министром встречались всегда, если я оказывался в Москве. Из ОблОНО часто приходилось ездить в столицу. Мы беседовали иногда подолгу. Секретарше он дал указание пропускать меня без доклада, когда был свободен. Тут сыграло свою роль и то обстоятельство, что начальником Главного управления школ был бывший зав[едующий] Омским ОблОНО Василий Григорьевич Арсёнов (сейчас он в Госплане СССР).

Нам, омичам, очень повезло, что министром просвещения был Александр Иванович. Томской области он не смог оказать той помощи, какую оказал нам (он сам об этом говорил). Само собой разумеется, я был порядочным попрошайкой. (Присутствие в министерстве В.Г. Арсёнова давало мне преимущество в информации, плюс сказывалась благосклонность ещё со времён работы в ЦК ВЛКСМ Любове Кузьминичны Балясной). Но просил-то я не для себя лично.

И до мелочей помню последнюю встречу в Новосибирске, куда Александр Иванович приезжал на августовское совещание учителей, а меня Обком КПСС и Облесполком направили для встречи с ним опять с «попрошайскими» целями. (К этому времени я был уже простым старшим преподавателем кафедры истории КПСС, а не секретарём парткома пединститута). Его [Данилова] помощь выразилась в двух 9-этажных зданиях общежития для студентов пединститута. (Стоят и напоминают о нём!).

Люся и Толя²²! Прошу простить меня за это отступление, но вы меня поймёте. Знаю, что вы не в меньшей степени переживаете преждевременный уход Александра Ивановича из жизни, тем более что Люся одна из всей нашей группы специализировалась у него. Так что я с пониманием отнёсся к тому, что ты, Люся, разрыдалась на методсеминаре, выступая с докладом [*Л.Г. Сухотина расплакалась, упомянув во время своего выступления на методическом семинаре исторического факультета о смерти А.И. Данилова.*]».

Сославшись на информацию своей «агентуры», В.Т. Фоменко продолжал:

Да, Александр Иванович занимал в нашей жизни особое место по идейному влиянию, был примером беззаветного служения делу, примером отзывчивости и скромности... Уверен, что он сохранится навсегда в памяти тех, кто его знал...

Вениамин [В.М. Самосудов] был на похоронах Александра Ивановича (похоронен он на Ново-Девичьем кладбище) и отчитался о них перед Женей Тимониным и мною. Так хотелось мне побыть хотя бы немного с вами, но не получилось (из-за сильного недомогания не смог поехать с Самосудовым в Москву)».

Уже после смерти моего папы, В.Т. Фоменко, я получила от Л.Г. Сухотиной письмо, в котором также говорилось о Данилове.

Л.Г. Сухотина – С.В. Фоменко 14 марта 2004 г.

«Ты написала, что твоя знакомая читала в архиве²³ мои письма. Я не помню, но, вероятно, я действительно писала их... Анфимов²⁴ и Сидоров²⁵ аграрники. Я же тогда занималась проблемой генезиса капитализма в Сибири.

Вообще-то я с третьего курса занималась у А.И. Данилова совсем другой проблемой – историографической, а конкретно – М.М. Ковалевский о ранней западноевропейской общине. Но когда защитила дипломную работу, меня рекомендовали на кафедру политэкономии. Данилов должен был уехать в Москву в докторантуру. Но заведующая П.И. Скороспелова²⁶ на кафедру меня не взяла, так как я предупредила её, что у меня арестован отец. Она спросила, почему я не написала об этом в своём заявлении при поступлении. Я сказала, что мне было всего 5 месяцев, когда арестовали отца, и увидела я его, лишь когда мне было уже около 12 лет. У него была другая семья, точнее жена, а у нас был отчим – чудесный человек, который и выучил нас. ...Потом Данилов пытался послать меня на годичные курсы в Свердловск с правом выбора специальности по истории партии, философии и политэкономии. Но ректорат тоже не утвердил меня. Так и случилось, что никто из нас, окончивших (университет) с красным дипломом (Вена Самосудов, Володя [Фоменко], Костя Корячкин, направленный в КГБ, и я) не попали в вузы».

Изложив кратко, как складывалась после окончания университета её профессиональная карьера и как по рекомендации сокурсника Алексея Федорука она попала в сельхозтехникум, где проработала 4,5 года, Людмила Григорьевна продолжала:

«...ситуация изменилась, и А.П. Бородавкин²⁷ пригласил меня в аспирантуру. ...Нас в аспирантуре было всего трое, и всем Разгон дал темы по истории сельского хозяйства. ...Данилов вернулся через несколько лет уже на должность ректора. Он вернулся, когда я готовилась к защите, сказав мне: «Сбежала с кафедры. Теперь уже защитилась бы». Мне было грустно услышать это. Я, конечно, никогда бы не ушла от него. Потом, после защиты, я, конечно, сменила тему. История крестьянства, тем более Сибири, меня совершенно не интересовала.

...Данилов же был моим первым оппонентом. При этом он решительно был не согласен с основными выводами моей работы, о чём мне сказал Израиль Менделевич [Разгон] за 2 часа до защиты, предварительно спросив: дал ли мне Александр Иванович отзыв. Услышав, что нет, он спросил: «Но Данилов хотя бы поговорил с Вами?» Но этого тоже не было.

Народу же было полная аудитория, ибо это было его (Данилова) первое публичное выступление после возвращения в Томск уже в качестве ректора. На банкете он сказал Анатолию [А.К. Сухотину]: «Пусть отдохнёт и начнёт

работать над докторской. Буду жив, выступлю и на той защите». Но, к сожалению, я не успела».

Александр Иванович Данилов в воспоминаниях своих учеников предстает человеком суховатым, прямым, но вместе с тем – принципиальным, принципиальным и откровенным в суждениях, отзывчивым и внимательным к ученикам. Он прекрасно знал и хорошо ориентировался в советской партийной системе и по возможности оберегал молодых коллег, которых ценил и которым доверял, от карьеристов и демагогов. Внимательно следил за их научным ростом, щедро делился с ними своими богатыми знаниями, помогал ценными советами. Не было, казалось, ни одного вопроса из широкого спектра гуманитарных дисциплин и даже искусства, на который от него нельзя было получить обстоятельного, хорошо аргументированного ответа. Не случайно и то, что для многочисленных его учеников выбор специализации определялся притяжением личности научного руководителя²⁸.

Университет – это не только стены, но и люди. Их профессионализм и порядочность, как показывает история, не подвержены времени. Именно поэтому спустя десятилетия они способны оставаться основой, на которой существуют и будут существовать традиции российской науки и образования.

КОММЕНТАРИИ

¹ *Сухотина (дев. Агафонова) Людмила Григорьевна* (1930–2009) доктор исторических наук (1986), профессор. Выпускница историко-филологического факультета ТГУ (1952), доцент (1966), затем профессор (1989) кафедры истории СССР (с 1966 г. – кафедра истории СССР дооктябрьского периода, с 1992 г. – кафедра отечественной истории) исторического факультета ТГУ. Автор работ по истории Сибири, англо-американской немарксистской историографии русского революционного движения XIX в.

² *Разгон Израиль Менделевич* (1905–1987) – доктор исторических наук (1940), профессор. Выпускник Московского института философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского. В 1930–1940 гг. преподавал в вузах Москвы, по совместительству являлся старшим научным сотрудником Института истории АН СССР. Входил в авторский коллектив 2-го тома «Истории Гражданской войны в СССР (М., 1942), в 1944–1949 гг. являлся заместителем ответственного секретаря главного редактора этого издания. Лауреат Сталинской премии 1-й ст. (1943). В 1949–1956, 1958–1986 гг. заведовал кафедрой истории СССР (с 1966 г. – кафедра истории СССР советского периода) историко-филологического, с 1974 г. исторического факультета Томского государственного университета. Автор трудов по истории Гражданской войны на Северном Кавказе, истории Сибири, редактор 4-го тома «Истории Сибири» (Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968).

³ *Газзаев Алексей Парсаданович* – в 1940–1942 гг. 2-й секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б), в 1946–1952 гг. – председатель Совета народных комиссаров – Совета Министров Северо-Осетинской АССР. К 30-летию Октябрьской революции издал книгу, изображавшую дореволюционную Осетию колонией русского царизма и прославлявшую советскую власть за создание условий для «возрождения осетинского народа» (*Газзаев А.П.* Северная Осетия за тридцать лет Советской власти. Дзауджикау: Гос. изд-во. Сев.-Осет. АССР, 1947. 204 с.)

⁴ Вызвавшие критику работы И.М. Разгона были изданы в 1941 и 1942 гг. соответственно. Участие И.М. Разгона в составлении 2-го тома «Истории гражданской войны в СССР», изданного к тому времени уже дважды, в статье специально не упоминалось, ибо его авторы получили Сталинскую премию.

⁵ *Мицн Исаак Израилевич* (1896–1991) – историк, действительный член АН СССР (1946), Герой Социалистического труда (1976). Лауреат Сталинской премии (1943, 1946), Ленинской

премии (1974). Автор трудов по истории революции 1917 г., Гражданской войны в России. В описываемый период И.И. Минц являлся директором Института истории АН СССР, а профессор И.М. Разгон – старшим научным сотрудником этого института.

⁶ Одновременно с И.М. Разгоном постановлением СНК СССР от 22 марта 1943 г. за 2-й том «Истории Гражданской войны в СССР» Сталинской премии I степени были удостоены И.И. Минц, П.Н. Поспелов, Е.М. Ярославский, Э.Б. Генкина, Е.Н. Городецкий и И.П. Товстуха. Полученные деньги лауреаты передали на строительство танков.

⁷ См. об этом: *Фоменко В.Т.* Воспоминания об Израиле Менделевиче Разгоне // Мир историка. Историографический сборник. Омск, 2005. Вып. 1.

⁸ *Тимонин Евгений Иванович* (1927–2013) – бывший студент 135-й группы, доктор исторических наук (1986), профессор. После окончания историко-филологического факультета работал в ТГУ, обучался в аспирантуре, затем продолжил работу на кафедре истории КПСС Томского университета. После переезда в Омск преподавал в вузах этого сибирского города, заведовал кафедрой КПСС Омского ветеринарного института и Омского государственного педагогического института. В 2000-х гг. состоял профессором Омского политехнического института и Омского экономического института. Автор «Разгониады», поэмы, посвященной его учителю И.М. Разгону (И.М. Разгон: творческая биография ученого и педагога в материалах и воспоминаниях. Ч. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 180–187).

⁹ Речь идёт о 60-летию И.М. Разгона, отмечавшемся в апреле 1965 г. в Томске.

¹⁰ Действительно, в 1973 г., оставаясь министром просвещения РСФСР, Данилов возглавил кафедру истории средних веков МГУ.

¹¹ *Афанасенко Евгений Иванович* (1914–1993) – советский партийный и государственный деятель, дипломат, в 1956–1966 – министр просвещения РСФСР, впоследствии вернулся к дипломатической службе.

¹² *Прокофьев Михаил Алексеевич* (1910–1999) – химик-органик, член-корреспондент АН СССР (1966), академик АПН СССР (1967), в 1966–1984 гг. – министр просвещения СССР, затем на пенсии.

¹³ *Козан Лев Наумович* (1923–1997) – советский философ и социолог, доктор философских наук (1963), профессор. Организатор сектора социологии культуры Института экономики Уральского научного центра (1966–1977). В 1977–1987 гг. – заведующий кафедрой теории научного коммунизма и социологии, в 1987–1997 гг. – профессор кафедры социально-политических наук философского факультета Уральского государственного университета. Заслуженный деятель науки РСФСР (1983).

¹⁴ К 1975 г. в области должны были исчезнуть свыше 800 деревушек.

¹⁵ «По иронии судьбы, – писал В.Т. Фоменко, – меня исключали или пытались исключить из рядов КПСС с равными промежутками времени: в 1949, 1959 и 1969 гг.»

¹⁶ Кроме того, А.И. Данилов предложил Фоменко возглавить Управление школ-интернатов и детдомов министерства. Но, как позднее вспоминал В.Т. Фоменко, «я решительно возразил против своего отъезда с малой Родины (мне уже шёл 45-й год)».

¹⁷ *Самосудов Вениамин Михайлович* (1926–2000) – доктор исторических наук (1974), профессор, ректор Омского государственного педагогического института им. А.М. Горького (1970–1990). Депутат Верховного Совета РСФСР (1985). Заслуженный деятель науки РСФСР. Автор трудов по истории Сибири XX в.

¹⁸ В 1934–1991 гг. Томский государственный университет носил имя В.В. Куйбышева.

¹⁹ *Бояршинова Зоя Яковлевна* (1909–1986) – доктор исторических наук (1967), профессор. Выпускница исторического факультета Томского государственного педагогического института (1940). В 1940–1976 гг. – старший преподаватель, затем доцент, профессор кафедры истории СССР (с 1966 г. – кафедра истории СССР дооктябрьского периода) историко-филологического (с 1974 г. – исторический) факультета ТГУ. В 1962–1965 гг. – заведующая кафедрой археологии, этнографии и истории Сибири, с 1968 по 1985 г. возглавляла кафедру истории СССР дооктябрьского периода. Декан факультета в 1941–1947, 1952–1955, 1959–1963 гг. Автор трудов по истории сибирского крестьянства XVII в.

²⁰ *Могильницкий Борис Георгиевич* (р. 1929 г.) – доктор исторических наук (1967), профессор. Выпускник историко-филологического факультета ТГУ (1951). С 1955 г. – ассистент, с 1961 г. – доцент кафедры всеобщей истории, в 1967–2009 гг. – заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков (ныне кафедра древнего мира, средних веков и методологии истории), с 2009 г. – профессор кафедры древнего мира, средних веков и методологии истории исто-

рического факультета ТГУ (до 1974 г. – историко-филологический факультет). В 1968–1972, 1974–1981 гг. – декан факультета. Автор трудов по историографии и методологии истории.

²¹ *Коломин Дмитрий Васильевич* (р. 1921) – участник Великой Отечественной войны, кандидат исторических наук, доцент. Выпускник историко-филологического факультета ТГУ (1954). В 1954–1970 гг. работал в ТГУ ассистентом, затем старшим преподавателем, доцентом кафедры истории КПСС. В 1970–1986 гг. – заведующий кафедрой истории КПСС Томского политехнического института (ныне – Томский политехнический университет). Автор трудов по истории КПСС.

²² Муж Людмилы Григорьевны – *Анатолий Константинович Сухотин* (1922–2012) – участник Великой Отечественной войны, доктор философских наук (1969), профессор. Выпускник историко-филологического факультета ТГУ (1950). В 1953–1958 гг. – преподаватель, затем старший преподаватель, доцент, заведующий кафедрой диалектического и исторического материализма ТГУ. В 1958–1968 гг. – доцент, заведующий кафедрой диалектического и исторического материализма Томского медицинского института. С 1969 г. – доцент кафедры философии и научного коммунизма, с 1970 г. – заведующий кафедрой философии ТГУ, с 1994 г. – профессор кафедры. В 1987–1990 гг. – декан философского факультета. Заслуженный деятель науки РСФСР (1981). Автор трудов по методологии научного поиска, научного и художественного творчества, проблемам освоения научной информации.

²³ Письма Л.Г. Сухотиной хранятся в Российской государственной библиотеке (Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 873. Анфимов А.М.).

²⁴ *Анфимов Андрей Матвеевич* (1916–1995) – участник Великой Отечественной войны, доктор исторических наук. Заочно окончил исторический факультет МГУ, с 1956 г. работал научным сотрудником Института истории СССР АН СССР (ныне Институт российской истории РАН). Автор трудов по истории крестьянского и помещичьего землевладения, землепользования, хозяйства, проблем сложнейших отношений в российской деревне рубежа XIX–XX вв. Концептуальная основа его работ послужила одной из исходных посылок теории многоукладности. Организатор и активный участник симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы.

²⁵ *Сидоров Аркадий Лаврович* (1900–1966) – доктор исторических наук (1943), профессор. Выпускник Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова (1923) и Института красной профессуры (1928). В 1948–1952 гг. – проректор Московского государственного университета. В 1953–1959 гг. – директор Института истории АН СССР. Член главной редакции Большой советской и Советской исторической энциклопедий. Автор трудов по истории империализма в России.

²⁶ Фамилия искажена, речь идет о *Поспеловой Паулине Ивановне* (1906–1987) – кандидате экономических наук (1950), доценте. Она с начала 1930-х гг. работала преподавателем кафедры социально-экономических наук, затем кафедры основ марксизма-ленинизма, кафедры политической экономии. С 1947 по 1962 г. заведовала кафедрой политической экономии Томского государственного университета.

²⁷ *Бородавкин Александр Павлович* (1919–1996) – участник Великой Отечественной войны, доктор исторических наук (1972), профессор. С 1946 г. – старший преподаватель, в 1954–1968 гг. – доцент кафедры истории СССР историко-филологического факультета ТГУ, в 1948, 1956–1958 гг. исполнял обязанности ее заведующего. В 1963–1965 гг. – декан факультета. В 1968–1973 гг. – заведующий Проблемной научно-исследовательской лабораторией истории, археологии и этнографии ТГУ. После отъезда из Томска (1973) работал в Алтайском государственном университете. Заслуженный деятель науки РСФСР (1980). Автор трудов по истории Сибири XIX в.

²⁸ См.: *Мозильницкий Б.Г.* Александр Иванович Данилов // Профессора Томского университета: Биографический словарь (1945–1980) / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов и др. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 3. С. 123–129.

Статья поступила 3 ноября 2013 г.

THE IMAGE OF A.I. DANILOV BASED ON THE CORRESPONDENCE AND MEMORIES OF HIS STUDENTS

Key words: history, Tomsk University, A.I. Danilov, I.M. Razgon, V.T. Fomenko, L.G. Suhotina.

The name of the Academician Alexander Ivanovich Danilov (1916–1980) is well known to Russian historiographers and historians of medieval Europe. He had a lot of students and followers, espe-

cially at the Tomsk University, where this brilliant scholar and scientist worked in 1947–1954 and in 1961–1967. One of his former students, V.T. Fomenko, remembering Professor I.M. Razgon, referred to two events connected with Dr. Danilov that took place in 1949 and 1968. In addition, in his letter to L.G. Suhotina in 1968, Fomenko wrote about his strong impression Danilov made on him as Minister of Education of the Russian Soviet Federal Socialist Republic. In another letter to L.G. Suhotina, V.T. Fomenko told about Professor Danilov's funeral which V.M. Samosudov attended. L.G. Suhotina, V.T. Fomenko and V.M. Samosudov were former students of the famous “guard” – the 135th group of TSU History and Philology Faculty (1947-52). The last document of this collection is the letter to the compiler of the publication, S.V. Fomenko, in which Professor L.G. Suhotina wrote in 2004 about Danilov's role in her scientific life.

НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ

УДК 94(571.16)"1905/1917"

О.А. Харусь

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СИБИРИ НАЧАЛА XX В.: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

В статье представлен стратегический план исследования либерализма в Сибири начала XX в., основанный на использовании междисциплинарного концепта «идентичность» как категории анализа. Предлагаемая концептуальная модель ориентирована на изучение объекта как целостного социокультурного, интеллектуального и политического феномена в контексте конкретно-исторических условий.

Ключевые слова: либерализм, Сибирь, идентичность.

Постановка проблемы. Современная историографическая ситуация характеризуется наличием значительного массива конкретно-исторических исследований по проблемам сибирского либерализма начала XX в., большинство из которых посвящены различным аспектам общественной и политической деятельности либералов региона. Безусловно, возможности приращения научного знания на основе расширения источниковой базы далеко не исчерпаны. Однако плодотворность как поисковой работы в этом направлении, так и попыток иного прочтения уже введенных в научный оборот источников в настоящий момент во многом определяется постановкой новых проблем, выбором оригинальных ракурсов исследования, нацеленных в первую очередь на формирование аналитических моделей с выходом на более высокий уровень теоретических обобщений. В новом проблемном поле исследований акценты смещаются на выявление и объяснение закономерностей и особенностей в формировании и развитии либерального направления в общественной мысли и общественно-политическом движении как на общегосударственном, так и на региональном уровнях. Определенные перспективы в этом плане открывает, в частности, фокусирование исследовательского интереса на проблеме идентичности, сама постановка которой предполагает существенное расширение исследовательского пространства за счет включения в него ментальных установок, ценностных ориентаций, форм духовности, культурно-исторических представлений социальных субъектов.

Целью данного исследовательского проекта является историческая реконструкция процесса формирования либеральной идентичности в социокультурном и политическом пространстве Сибири начала XX в. *Хронологические*

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

рамки проекта определяются спецификой его предмета, выбор которого продиктован стремлением сосредоточиться на исследовании процесса формирования либеральной идентичности в Сибири. Отсутствие или же чрезвычайно скромное значение в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX в. тех организационных структур, которые являлись в европейской части страны центрами консолидации либеральных сил (земства, культурно-просветительные учреждения, массовые периодические издания и т.п.), а также социальная и политическая индифферентность местных предпринимателей и малочисленность интеллигенции, прежде всего лиц свободных профессий, обусловили более позднее и замедленное оформление либеральной тенденции в Сибири. К тому же в силу особенностей социально-экономического и политического статуса региона в Российской империи, предопределивших значительное влияние областнических идей и настроений, вплоть до 1905 г. либерализм в Сибири настолько тесно переплетался с областничеством, что дифференциация этих двух течений в общественной мысли и общественно-политическом движении более раннего периода является весьма затруднительной и практически невозможной. Поэтому говорить о начале стадии осознания либерально настроенной общественностью региона своей идентичности представляется возможным лишь применительно к началу XX в. При этом, безусловно, в процессе реализации данного исследовательского проекта предполагаются экскурсы в историю повседневности, общественных настроений и общественной мысли XIX в., продиктованные необходимостью определения истоков формирования либеральной идентичности. Обозначение февраля 1917 г. в качестве верхней границы хронологических рамок исследования связано с признанием переломного для судеб либерализма значения революционных событий 1917 г. и Гражданской войны. Исследование процесса формирования либеральной идентичности в период, предшествовавший этим социальным потрясениям, призвано заложить основу для изучения вызванных ими трансформаций либеральной идентичности, которое предполагается в перспективе продолжения данного проекта.

Изученность темы. Эвристические возможности, связанные с использованием в исследовании сибирского социума и его отдельных социальных групп междисциплинарного концепта «идентичность», в настоящее время убедительно продемонстрированы специалистами. Достаточно четко обозначен и круг проблем, связанных с изучением истории общественного движения, решению которых может способствовать обращение к идентичности как категории анализа. В их числе: выявление причин и истоков общественного движения на основе исследования процесса формирования коллективной идентичности; изучение мотивации людей к действию; определение влияния коллективной идентичности на выбор стратегии движений; оценка культурных эффектов общественных движений, связанных с трансформацией культурных представлений, мировоззренческих ценностей, социальных норм [1. С. 197].

Однако в многочисленных исследованиях по истории либерализма в Сибири эти проблемы до сих пор не получили отражения. Назрела необходимость в преодолении искусственного разрыва между исследовательскими дискурсами социологов, философов, политологов, культурологов, предла-

гающих теоретические интерпретационные матрицы, и исследовательскими нарративами историков, сосредоточившихся преимущественно на изучении программатики, тактики и конкретных общественно-политических практик либеральных групп и организаций. Вместе с тем есть все основания полагать, что имеющиеся к настоящему времени теоретико-методологические и конкретно-исторические исследования в целом создают достаточный фундамент для реализации исследовательского проекта.

Важной предпосылкой для вычленения основных идентификаторов в рамках различных типов либерализма, представленных в России и Сибири в начале XX в., с одной стороны, и для установления своеобразных демаркационных линий на мировоззренческом, ценностно-культурном и политическом уровнях, позволяющих отграничивать либерализм от нелиберальных направлений и течений, – с другой, является определение «твердого ядра» либерализма, ключевых убеждений, разделяемых практически всеми либералами. В настоящее время достигнута высокая степень согласия исследователей в определении инвариантного ядра либерализма как философии и социально-политической теории через обозначение его центральной проблемы, суть которой заключается в возможности и осуществимости общественного порядка, общежития вообще, если их основанием считается индивидуальная свобода. В качестве обязательной основополагающей установки либерализма рассматривается приоритет человеческой личности, ее свободы как высшей моральной и политической ценности. Концепт личности выступает исходным системообразующим началом в поиске синтетического консенсуса между тремя смыслообразующими концептами либерализма – личность, общество, государство [2. С. 7–8]. Вместе с тем признание либерализма совокупностью родственных идеологий, своеобразным идеологическим семейством, включающим в себя широкий диапазон философских и политических приверженностей, определяет устойчивость тенденции к обозначению параметров идентичности либерализма в целом и отдельных его разновидностей через перечисление «базисных характеристик», ключевых ценностей и ориентиров. Не исключая возможности такого подхода, необходимо иметь в виду, что в этом случае неизбежно возникает вопрос о причинах различных деформаций, возможности классификации их как своеобразных механизмов адаптации к существующим объективно обстоятельствам конкретно-исторической и социокультурной среды и, наконец, масштабе допустимых отклонений, при которых либерализм или отдельные его представители не перестают быть таковыми. В целом представленные в современных исследованиях сущностные характеристики либерализма задают необходимую исходную теоретическую основу для конструктивного решения проблемы формирования и трансформаций либеральной идентичности в региональном измерении.

Основные направления, методы и источники исследования. Историческая реконструкция процесса формирования либеральной идентичности в сибирском социуме начала XX в. предусматривает обращение к исследованию не только программатики, стратегии, тактики и практической деятельности партийно-политических организаций либерального спектра, но и либеральной субкультуры, либерализма как стиля мышления и образа жизни определен-

ных социальных групп и отдельных личностей. Такое расширение исследовательского пространства позволяет ставить и решать проблемы изучения процесса формирования как персональной (индивидуальной), так и коллективной идентичности, а также анализировать проявления либеральной идентичности на различных уровнях (ментальность, культура, повседневность, общественная деятельность, политика).

Выбор основных направлений исследования продиктован необходимостью учета трех основных векторов (типов) либеральной идентичности в сибирском социуме: персональной (личностной), коллективной (групповой), региональной. Ориентация на комплексное исследование типов либеральной идентичности, форм и уровней её репрезентации в сибирском обществе начала XX в. предполагает установление их соотношения и взаимосвязи, определение динамики процесса конструирования либеральной идентичности в регионе, его специфики и обусловленности объективными обстоятельствами и субъективными факторами. Для решения поставленных задач представляется необходимой ориентация на принципы интерсекциональности («теории пересечений») как методологии изучения связей между множественными измерениями социальных отношений. Исходной предпосылкой для выявления взаимодействия и взаимозависимости между различными «осями» либеральной идентичности является анализ специфических свойств и характеристик каждой её составляющей.

Представление о *персональной идентичности* как об уникальной комбинации личностных свойств индивида и фактов его жизни предполагает активное использование на этом уровне исследования биографического метода. В ряде энциклопедических изданий, в биографических словарях и справочниках представлена систематизированная информация о некоторых представителях либерализма в Сибири. Однако специализированный характер этих изданий обусловил концентрацию внимания авторов-составителей биографических материалов на четко фиксируемом круге персон, в частности: представлены биографии профессоров томских вузов [3, 4], предпринимателей [5], общественных деятелей, сыгравших заметную роль в жизни локального, ограниченного определенными административно-территориальными границами сообщества [6]. При этом, естественно, далеко не все представители либерально настроенной общественности попали в поле зрения исследователей. Кроме того, в словарях, справочниках и энциклопедиях, в силу специфики самого жанра такого рода изданий, не находят отражения многие значимые для анализа персональной идентичности обстоятельства. В этой связи возникает необходимость определения основных ориентиров в формировании источниковой базы, обеспечивающей возможности учета разноплановых параметров при исследовании персональной идентичности.

Важнейшим источником, позволяющим определить место и время рождения, сословное происхождение, вероисповедание, национальность, социальный статус, профессиональную принадлежность и этапы служебной карьеры, материальное положение, образовательный уровень, являются формулярные списки о службе. Представленная в них однотипная, унифицированная по определенным параметрам и хорошо структурированная информация создает возможности выявления наиболее типичных

для либерально настроенных лиц социографических характеристик. Вместе с тем при исследовании персональной идентичности либералов особое значение приобретают сведения об их общественной и политической деятельности, о формах проявления социальной активности (участие в работе научных, культурно-просветительных, представительных организаций и органов местного самоуправления, членство в политических партиях, участие в различных избирательных кампаниях общероссийского и регионального уровня, представительство на съездах и совещаниях, инициируемых общественными, партийными и государственными структурами, и т.п.). Это обстоятельство диктует необходимость значительного расширения круга источников за счет включения в него разноплановых архивных документов, а также местной и общероссийской периодической печати.

Анализ и систематизация данных, отражающих различные аспекты жизненного пути представителей либеральной общественности, открывают возможности для формирования просопографической базы данных и последующей обработки её с использованием методов исторической информатики в целях создания «коллективного портрета» либералов Сибири. Таким образом, использование биографического метода позволяет фиксировать значимые для формирования персональной идентичности сибирских либералов социографические параметры.

Решение же исследовательских задач, связанных с выявлением специфики образа и строя мысли, мировоззренческих и ценностных ориентиров, социально-философских и политических предпочтений и приверженностей либерально настроенной интеллектуальной элиты, представленной, прежде всего, профессорами Томского университета, обеспечивается привлечением в качестве источника их научных и научно-публицистических трудов, а также текстов учебных и публичных лекций. Обращение к этому теоретическому наследию представляет особый интерес для исторической реконструкции интеллектуальных пластов либеральной субкультуры во всем многообразии оттенков, отражавших индивидуальность конкретной личности. Дополнительным источником информации о формах проведения досуга, стиле и образе жизни, поведенческой модели и культурном уровне представителей либеральной общественности могут стать документы личного происхождения: воспоминания, дневники, личные письма. К сожалению, круг этих источников весьма ограничен, а потому несмотря на свою исключительную значимость для изучения особенностей индивидуального восприятия действительности, оценки эмоциональной сферы, механизмов саморефлексии в рамках данного проекта они могут играть только вспомогательную роль.

Следует подчеркнуть, что исследование персональной идентичности в обязательном порядке предполагает учет общеисторического контекста, в частности специфических обстоятельств, знаковых событий и процессов в общественно-политической жизни России начала XX в., поскольку они во многом определяли поворотные пункты в судьбах людей, влияли на выбор поведенческой модели, а иногда и на выбор жизненной стратегии. Сочетание микроисторического подхода, фокусирующего внимание на индивидуальных особенностях отдельных личностей, и макроисторического подхода,

ориентированного на исследование исторического развития России во всем его многообразии, является в данном случае необходимым. Такая исследовательская позиция обеспечивает возможности для определения ситуативных факторов, влиявших на процесс формирования либеральной идентичности, породивших актуализацию этого процесса или, напротив, оттеснявших либеральную идентичность на второй план по сравнению с другими признаками самоидентификации.

Предлагаемый подход к исследованию персональной идентичности позволяет фиксировать как индивидуально неповторимое, так и повторяющееся, сходное в социокультурном облике либеральной оппозиции. В свою очередь, социально значимые, типичные параметры либеральной идентичности на персональном уровне могут и должны быть приняты во внимание при исследовании коллективной идентичности либеральной оппозиции. При этом следует особо оговорить методологическую некорректность представления коллективной идентичности как совокупности персональных идентичностей. При очевидных пересечениях этих осей идентичности они не сводимы друг к другу и имеют свои специфические характеристики [1. С. 198–199].

Одной из характерных черт коллективной идентичности является особая роль ситуативных факторов в её формировании и обусловленная этим чрезвычайная динамичность этого социального феномена. Коллективная идентичность может возникать как ответ на определенные внешние вызовы, реакция на обострение социально-экономических и/или политических проблем, резкую трансформацию условий жизни и иметь кратковременный характер. [1. С. 199]. Это положение находит подтверждение при обращении к исследованию организационных форм, в которых выражалась коллективная (групповая) идентичность либералов. Наиболее отчетливо отмеченная специфика проявилась в деятельности местных отделов кадетской и октябристской партий, являвшихся основной формой репрезентации и институциональным воплощением коллективной идентичности либералов.

Ситуативный характер этого типа либеральной идентичности порождает дополнительные сложности в его исследовании и анализе. С одной стороны, в партии по разным мотивам и соображениям вступали люди, ни образ жизни, ни стиль мышления, ни политические предпочтения которых не позволяли причислить их к либерально настроенным лицам [7. С. 34–36, 38–39, 45–46]. С другой стороны, далеко не все представители интеллектуального меньшинства, мыслившего в либеральных категориях, становились членами политических партий. Многие из них при организационном оформлении региональных отделов кадетской и октябристской партий вошли в их состав, но в дальнейшем не принимали никакого участия в партийно-политической деятельности. Очевидная «нестыковка» персональной и коллективной идентичности подтверждает несостоятельность редуцированного подхода к исследованию либерализма как направления общественно-политического движения, поскольку он оставляет за рамками значимую составляющую объекта исследования – либеральную субкультуру. В этом плане принципиально важным при реализации заявленного исследовательского проекта является формиро-

вание комплексного представления о «сибирском» либерализме с учетом как коллективных, так и персональных форм репрезентации его представителей.

Специфика коллективной идентичности предполагает смещение акцента в её исследовании с внутренних духовных и интеллектуальных составляющих либерализма на внешние атрибуты и проявления в сфере публичной политики и общественной жизни. При этом ключевой проблемой становится выявление влияния конкретных исторических обстоятельств на тот идеал общественного устройства, который представлялся своеобразным маркером либеральной идентичности на теоретическом уровне. Основой решения этой проблемы может стать исследование сложной сети социальных коммуникаций либеральных политических организаций, участие в деятельности которых обуславливало трансформацию изначальных ценностей и установок, продиктованную необходимостью адаптации к условиям реальной политики. Особый интерес представляет то, каким образом и насколько существенно специфика целевой аудитории коммуникации (студенты, крестьяне, рабочие, средние городские слои, единомышленники, политические оппоненты, интеллектуалы, представители той или иной профессиональной корпорации и пр.) влияла на способы презентации коллективной идентичности. Комплексное исследование либеральной периодической печати, пропагандистских и агитационных материалов местных отделов кадетской и октябристской партий, текстов публичных выступлений их представителей, с одной стороны, и обращение к рассчитанным на интеллектуальную элиту научным трудам, а также к адресованным единомышленникам программным документам – с другой, позволит выявить те базовые, фундаментальные характеристики либерализма, которые сохраняли свою устойчивость в любой социальной коммуникации, а потому могут рассматриваться как маркеры либеральной идентичности. Одновременно обращение к общественно-политическим практикам либералов позволяет оценить наличие у либерализма адаптационного потенциала, его способности трансформироваться под воздействием конкретных обстоятельств и выстраивать эффективный публичный дискурс, не утрачивая при этом своей идентичности.

Решению этих исследовательских задач призвано способствовать и обращение к проблеме региональной идентичности сибирского либерализма. В исследовательской литературе обстоятельно освещены факторы, ставшие импульсом конструирования сибирской региональной идентичности как культурно-исторического феномена, социально и духовно солидаризирующего население территории, определены основные этапы этого процесса и значимые для объяснения его динамики обстоятельства [8–10]. Для реализации целей настоящего исследовательского проекта принципиальное значение имеет вывод специалистов о сосуществовании двух тенденций в процессе формирования сибирской идентичности. С одной стороны, на уровне массового сознания этот процесс имел стихийный, неструктурированный, неотрефлексируемый характер, с другой – он во многом определялся интеллектуальными усилиями сибирской интеллигенции, сознательно конструировавшей действительность в рамках научного и публицистического дискурса [11. С. 112–113; 12. Р. 79].

Сибирская региональная общность либералов формировалась на основе осознания специфики социально-экономических, политических, культурных условий края, его особых отношений с центром и отражала своеобразный «местный патриотизм». В результате постепенно складывалось и специфичное представление либеральной интеллигенции о собственной миссии, общественном долге, формировалась повестка сибирского либерализма в социокультурном и политическом пространстве региона, т.е. осуществлялось конструирование собственной идентичности на основе соотнесения себя с интересами определенной территории, её образом.

Исследовательский замысел предлагаемого проекта предусматривает особый акцент на представлении о региональной идентичности либерализма как результате определенного конструирования действительности и способов изменения реальности. В этой связи возникают вопросы о том, в какой степени специфика общественных настроений, ментальности населения региона находила отражение в сознании либерально мыслящего инициативного меньшинства, каким образом она учитывалась при выборе стратегии и тактики либерального движения в Сибири, какое воплощение получала в общественно-политических практиках либералов региона. Важное значение приобретает и выявление механизмов адаптации либеральных проектов общественного переустройства к социокультурным особенностям региона, оценка тех нюансов, которые имели место при включении областнических идей в теоретические представления либеральной интеллектуальной элиты о перспективах модернизации России, а также в программные документы местных отделов либеральных партий. Иными словами, речь идет о выявлении специфики либерального подхода к определению маркеров региональной идентичности, об опыте использования их в качестве своеобразного инструмента либеральной оппозиции в различных общественно-политических ситуациях. При этом ориентация на принципы теории интерсекциональности предполагает выявление динамики соотношения и взаимодействия регионального и общегражданского векторов либеральной идентичности на разных этапах исторического развития.

Основным источником для специального углубленного исследования процесса формирования и трансформации региональной идентичности сибирского либерализма могут стать материалы местной либеральной периодической печати. Поскольку сущностное содержание концепта «идентичность» определяется соотнесением субъектом себя с другими субъектами и объектами, в данном случае представляется возможным использовать контент-анализ, позволяющий установить не только соотношение общероссийской и региональной проблематики в редакционных статьях печатных органов местных кадетских и октябристских организаций, а также либерально ориентированных периодических изданий, в статьях либерально настроенных публицистов, в опубликованных в прессе выступлениях либералов на партийных собраниях и перед различными группами общественности, но и выявить упоминания в этих материалах атрибутов, фактов, тенденций, подчеркивающих специфику Сибири или, напротив, общность и сходство региональных и общероссийских процессов и явлений. В результате открывается возможность установить, насколько значимой для либералов была соотнесенность с

территорией на разных этапах исторического развития, входила ли она в число приоритетов, определявших ценностные, мировоззренческие, политические, поведенческие ориентиры и установки. При определенной «перенастройке» и адаптации к специфике объекта источниковедческого анализа, каким является сибирская пресса начала XX в., весьма продуктивными могут оказаться общие методологические основания предложенной А.В. Бочаровым модели исследования региональной идентичности, апробированной при изучении электронного архива современных томских СМИ с помощью контент- и интент-анализа [13].

Предполагаемые результаты исследования. Реализация представленной концептуальной модели исследования в конкретно-историческом плане позволяет определить особенности конструирования и репрезентации либеральной идентичности на различных уровнях, оценить адаптационный потенциал отечественного либерализма и его возможности реагировать на специфические вызовы начала XX в. без утраты собственной идентичности. Сочетание макро- и микроисторического подходов способствует выявлению специфики различных ипостасей либерализма в контексте общих закономерностей его генезиса и эволюции, что, в свою очередь, имеет важное значение для решения проблемы типологизации отечественного либерализма. Вместе с тем в теоретическом плане решение сформулированных задач может внести определенный вклад в создание предпосылок для осмысления проблемы взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодействия между осями идентичности (персональной, коллективной, региональной, социальной, общегражданской) в различных исторических ситуациях.

В заключение необходимо подчеркнуть, что обозначенный в данной статье вектор исследования, связанного с переходом от однозначно нарративной истории к формированию моделей, способных объяснить сущность исследуемых явлений и процессов, не предполагает конструирование абстрактных теоретических схем, оторванных от исторической действительности и чреватых её искажением. Важной и совершенно необходимой предпосылкой реализации исследовательского замысла является верификация формулируемых теоретических положений на основе анализа источников и конкретно-исторического материала.

Литература

1. *Сабурова Т.А.* Конструирование идентичностей и социально-культурные практики интеллигенции в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Сибирское общество в условиях трансформаций конца XIX – начала XX вв.: идентичность и стратегии поведения. – Омск, 2009. – С. 196–240.
2. *Шелохаев В.В.* Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры. – М., 2008. – С. 6–16.
3. *Профессора* Томского университета: Биографический словарь. – Вып. 1: 1888–1917 / под ред. С.Ф. Фоминых. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 288 с.
4. *Профессора* Томского политехнического университета: Биографический справочник. – Т. 1. – Томск: Изд-во НТЛ, 2000. – 297 с.
5. *Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири* : в 4 т. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1994–1999.

6. *Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко.* – Томск: Изд-во НТЛ, 2004. – 440 с.

7. *Харусь О.А.* Кадетские и октябристские организации в Сибири: опыт реконструкции социокультурного облика // Исторический ежегодник. Общественное движение в Сибири в начале XX века. – Омск, 1997. – С. 31–46.

8. *Бороноев А.О.* Проблемы динамики сибирской идентичности // Общество, среда, развитие. – 2010. – № 3. – С. 81–85.

9. *Зайнутдинов А.Э.* Цивилизационная идентичность Сибири: от областничества рубежа XIX–XX веков к современному сибирству // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. 15, № 2 (61). – С. 81–97.

10. *Дутчак Е.Е., Каптур В.В.* «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // Общественные науки и современность. – 2013. – № 4. – С. 116–129.

11. *Ремнев А.В.* Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Политика. – 2011. – № 3 (62). – С. 109–128.

12. *Shevtsov V.V.* The regional identity of the Siberian community: major formation factors and reconstruction problems // *Europolis: Journal of Political Analysis and Theory.* – 2013. – Vol. 7, № 1. – P. 77–92.

13. *Бочаров А.В.* Методологические и эмпирические аспекты изучения региональной сибирской идентичности в информационном поле региональных СМИ // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2012. – № 2(18). – С. 81–91.

Статья поступила 23 октября 2013 г.

Kharus Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russia)

THE FORMATION OF LIBERAL IDENTITY IN SOCIO-CULTURAL AND POLITICAL SPACE OF SIBERIA IN THE EARLY XX CENTURY: A CONCEPTUAL MODEL OF RESEARCH

Key words: liberalism, Siberia, identity.

The article presents a strategic plan of the study of liberalism in Siberia in the early XX century based on the interdisciplinary concept of "identity" as a category of analysis. Historical reconstruction of the formation of liberal identity in the Siberian society presupposes investigations of not only program principles, strategy, tactics and practices of party organizations of the liberal spectrum but also liberal subculture, liberalism as a way of thinking and living among certain social groups and individuals. The following conceptual model is focused on the theoretical understanding of the object integrity and is expected to support systemic vision of the object in research strategies and procedures.

The necessity to take into account the liberal identity manifestations at different levels (mentality, culture, daily life, social activities, politic) determined the choice of promising research lines. The study of the three main vectors of liberal identity – individual (personal) collective (group), regional – allows providing a complete representation of types of liberal identity and establishing their correlation and interdependence. It also allows determining the dynamics of the liberal identity construction in the region, its specificity and conditionality by objective circumstances and subjective factors. Solving these problems is based on the principles of the "intersection" theory as a methodology for studying the relationships between multiple dimensions of social relations.

Within each research line a large corpus of various sources (official service lists, scientific and journalistic works of the liberal-minded intellectual elite, personal documents, periodicals, policy and program papers, publicity and advocacy materials of local departments of liberal parties, etc.) has been defined. Moreover, the methodical instrument (biographical method, prosopography, content and intent analysis, etc.), allowing the specific properties and characteristics of the various "axes" of liberal identity, forms and methods of representation to be identified and analyzed, has been presented.

The implementation of the given conceptual research model in specific historical conditions will allow defining the peculiarities of the construction and representation of liberal identity at different levels, assessing the adaptive capacity of Russian liberalism and its ability to respond to the specific challenges of the early XX century without losing its own identity. On the general theoretical grounds the solution of the problems formulated in the study can make a certain contribution to the creation of prerequisites for understanding the problems of correlation, interrelation, and interdependence between vectors of identity (personal, collective, regional, social and civil) in different historical contexts.

References

1. *Saburova T.A.* Konstruirovaniie identichnostei i sotsial'no-kul'turnye praktiki intelligentsii v Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. // *Sibirskoe obshchestvo v usloviakh transformatsii kontsa XIX – nachala XX vv.: identichnost' i strategii povedeniia*. – Omsk, 2009. – S. 196–240.
2. *Shelokhaev V.V.* Diskussionnye problemy istorii russkogo liberalizma v noveishei otechestvennoi literature // *Rossiiskii liberalizm v regional'nom izmerenii: idei, struktury, taktiki, lidery*. – M., 2008. – S. 6–16.
3. *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskii slovar'*. – Vyp. 1: 1888–1917 / pod red. S.F.Fominykh. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1996. – 288 s.
4. *Professora Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Biograficheskii spravochnik*. T. 1. – Tomsk: Izd-vo NTL, 2000. – 297 s.
5. *Kratkaia entsiklopediia po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri* : v 4 t. – Novosibirsk: RIPEL plus, 1994–1999.
6. *Tomsk ot A do Ia: Kratkaia entsiklopediia goroda* / pod red. N.M. Dmitrienko. – Tomsk: Izd-vo NTL, 2004. – 440 s.
7. *Kharus' O.A.* Kadetskie i oktiabristskie organizatsii v Sibiri: opyt rekonstruktsii sotsiokul'turnogo oblika // *Istoricheskii ezhegodnik. Obshchestvennoe dvizhenie v Sibiri v nachale XX veka*. – Omsk, 1997. – S. 31–46.
8. *Boronoev A.O.* Problemy dinamiki sibirskoi identichnosti // *Obshchestvo, sreda, razvitie*. – 2010. – № 3. – S. 81–85.
9. *Zainutdinov A.E.* Tsvivilizatsionnaia identichnost' Sibiri: ot oblastnichestva rubezha XIX–XX vekov k sovremennomu sibirstvu // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. – 2012. – T. 15, № 2 (61). – S. 81–97.
10. *Dutchak E.E., Kashpur V.V.* «Russkii sibirskii», ili Paradoksy regional'noi identifikatsii // *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*. – 2013. – № 4. – S. 116–129.
11. *Remnev A.V.* Natsional'nost' «sibirskii»: regional'naia identichnost' i istoricheskii konstruktivizm XIX v. // *Politiia*. – 2011. – № 3 (62). – S. 109–128.
12. *Shevtsov V.V.* The regional identity of the Siberian community: major formation factors and reconstruction problems // *Europolis: Journal of Political Analysis and Theory*. – 2013. – Vol. 7, № 1. – P. 77–92.
13. *Bocharov A.V.* Metodologicheskie i empiricheskie aspekty izucheniia regional'noi sibirskoi identichnosti v informatsionnom pole regional'nykh SMI // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriia*. – 2012. – № 2(18). – S. 81–91.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ЖЕРАВИНА Аниса Нурлгаяновна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: k1at@yandex.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

КРАСИЛЬНИКОВ Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, заведующий кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета. E-mail: krass49@gmail.com

МЕНЩИКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета. E-mail: vmen1@yandex.ru

ФАРОНОВ Вячеслав Николаевич – кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета. E-mail: faronoff-vn@mail.ru

ФОМЕНКО Светлана Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета. E-mail: fomenk@gmail.com

ФОМИНЫХ Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: fsf@mail2000.ru

ХАРУСЬ Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: kharus-olga@sibmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ZHERAVINA Anisa Nurgayanovna – Doctor of Historical Sciences, Professor of Chair of Russian History, Tomsk State University. E-mail: k1tat@yandex.ru

ZINOVIEV Vasily Pavlovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of History Department, Leading Research Fellow of Laboratory for Social and Anthropological Research, Tomsk State University. E-mail: vpz@tsu.ru

KRASILNIKOV Sergey Alexandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Research Fellow of Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Head of Chair of Russian History, Novosibirsk State University. E-mail: krass49@gmail.com

MENSHCHIKOV Vladimir Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of Chair of Russian History and Document Science, Kurgan State University. E-mail: vmen1@yandex.ru

FARONOV Vyacheslav Nicolayevich – Candidate of Historical Sciences, Postdoctoral Research Fellow of Chair of Russian History, Altai State University. E-mail: faronoff-vn@mail.ru

FOMENKO Svetlana Vladimirovna – Doctor of Historical Sciences, Professor of Chair of World History, Omsk State University. E-mail: fomenk@gmail.com

FOMINYKH Sergey Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Chair of Modern Russian History, Leading Research Fellow of Laboratory for Social and Anthropological Research, Tomsk State University. E-mail: fsf@mail2000.ru

KHARUS Olga Anatolyevna – Doctor of Historical Sciences, Professor of Chair of History and Document Science, Leading Research Fellow of Laboratory for Social and Anthropological Research, Tomsk State University. E-mail: kharus-olga@sibmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Требования к содержанию и оформлению научных статей определяются международными стандартами:

1) обязательны аннотация, перечень ключевых слов, данные об авторе на русском и английском языках; для статей на русском языке – транслитерация списка литературы;

2) текст научной статьи должен быть разбит на разделы, названия разделов выделены в тексте статьи курсивом:

- *Постановка проблемы*
- *Изученность темы*
- *Источники и методы*
- *Результаты исследования*
- *Заключение*

Правила оформления научной статьи

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном виде. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку. Рисунки выполняются в черно-белой гамме.

В начале статьи указывается номер по **Универсальной десятичной классификации (УДК)**, приводятся (каждый раз с новой строки):

- инициалы и фамилия автора;
- название статьи (строчными буквами, например: Современные проблемы изучения научно-образовательного комплекса Сибирского региона);
- её краткая аннотация (не менее 300 знаков, выделенная курсивом и отделенная от текста статьи пропуском строки);
- ключевые слова (не более 5).

Текст набирается шрифтами **Times New Roman**, размер шрифта – 10 кеглей, межстрочный интервал – одинарный, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

Нумерация страниц сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 25]. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо указывать только один источник; каждый источник приводится в списке литературы только один раз.

Примечания оформляются в виде концевых сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесён с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник.

Например:

Основной текст статьи – «Центр считает одной из своих приоритетных задач изучение истории рынка труда и трудовых отношений в российской промышленности [3. С. 62]»¹.

Текст примечания – ¹ Важное значение имеет публикация документов по истории рабочих дореволюционной России. См., например, серию «Экономическая история. Документы, исследования, переводы» [4, 5].

Правила транслитерации.

Транслитерированная версия списка литературы размещается сразу за списком ссылок и подготавливается автором статьи из русскоязычных ссылок (литература на иностранных языках на кириллицу не переводится, в русскоязычном и транслитерированном списках дается на языке оригинала) с учетом приводимых ниже рекомендаций:

• *ссылка на архивные документы (русскоязычная и транслитерированная):*

Государственный архив Томской области. – Ф. Р-1562. – Оп. 1. – Д. 524. – Л. 5–7 об.

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. – F. R-1562. – Op. 1. – D. 524. – L. 5–7 ob.

• *ссылка на монографию:*

Томский университет. 1880–1980 / под ред. М.Е. Плотниковой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. – 431 с.

Tomskii universitet. 1880–1980 / pod red. M.E. Plotnikovoi. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1980. – 431 s.

• *ссылка на диссертацию:*

Костерев А.Г. Научная биография академика В.Д. Кузнецова : дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2008. – 215 с.

Kosterev A.G. Nauchnaya biografiya akademika V.D. Kuznetsova : dis. ... kand. ist. nauk. – Tomsk, 2008. – 215 s.

• *ссылка на статью:*

Сонин А.С. Разгром «физического идеализма» (об одной философской дискуссии) // Вестн. РАН. – 1990. – Т. 60, № 8. – С. 35–41.

Sonin A.S. Razgrom «fizicheskogo idealizma» (ob odnoi filosofskoi diskussii) // Vestn. RAN. – 1990. – Т. 60, № 8. – S. 35–41.

Время отдельными файлами обязательно предоставляются:

1. Автореферат статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

2. Английский вариант имени и фамилии автора, название своей организации, название статьи и ключевые слова на английском языке.

3. Сведения об авторе по форме:

• фамилия, имя, отчество (полностью);

- учёная степень, учёное звание;
- должность и место работы;
- E-mail;
- почтовый адрес;
- телефон (рабочий, домашний или сотовый).

Всего автор оформляет и подаёт **четыре электронных документа**:

- 1) текст статьи с аннотацией на русском языке (300 печатных знаков);
- 2) автореферат статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;
- 3) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации, названия статьи и ключевых слов;
- 4) сведения об авторе.

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc, Ivanov4.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRAR (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Более подробную информацию о правилах оформления публикаций в научных периодических изданиях Томского государственного университета см.: <http://vestnik.tsu.ru>

Научные статьи и материалы просим высылать по адресу:

shrjournal@gmail.com – редакция журнала «Сибирские исторические исследования».

Научный журнал

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

2013. № 2

Редактор *Т.В. Зелева*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Редактор-переводчик *Е.М. Карагеоргий*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»),
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 27.11.2013 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.

Печ. л. 5,5; усл. печ. л. 6,7; уч.-изд. л. 6,5.

Тираж 70 экз. Заказ №

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Учебно-производственная типография ТГУ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 66